

E $\frac{56}{262}$

801-14
1398

СПОРЫ БЕЗПОПОВЦЕВЪ

ПРЕОБРАЖЕНСКАГО КЛАДБИЩА

И

ПОКРОВСКОЙ ЧАСОВНИ

О

БРАКЪ.

К. Надеждина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ печатнѣ В. Головина, у Владимірской церкви, домъ Фредерикса № 15.

1865.

Печатать дозволяется. С. Петербургъ, августа 7 дни, 1865 года.
Ценсоръ, Архимандритъ *Серій*.

32819-0

2011142374

СПОРЫ БЕЗПОПОВЦЕВЪ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО КЛАДБИЩА И ПОКРОВСКОЙ ЧАСОВНИ О БРАКЪ.

Безпоповцы издавна раздѣлялись на двѣ главныя секты: поморскую и еедосѣвскую. Первоначальное ихъ раздѣленіе не составляетъ собою замѣчательнаго событія въ безпоповщинской сектѣ. Правда, раздоры были сильныя, поморцы и еедосѣвцы расходились не на малое время, споры ихъ выражались во взаимной брани и даже отлученіяхъ; но все это само собою проходило, потому что не важны были и самыя предметы ихъ раздоровъ. Были напр. споры о томъ, какъ писать титуло на крестѣ Спасителя; нужно ли освящать пищу, покупаемую на торгу. Еедосѣвцы укоряли поморцевъ, когда они, вслѣдствіе строгой комиссіи Самарина, принуждены были принять молитву за царя и т. п. Нельзя впрочемъ не замѣтить, что и въ этихъ незначительныхъ разностяхъ поморцы всегда отличались бѣльшею мягкостію и уступчивостію характера. Такъ, они не имѣли столько презрѣнія ко «внѣшнимъ», чтобы считать, подобно еедосѣвцамъ, за необходимое освящать купленную на торгу пищу; и въ самомъ принятіи (хотя невольномъ) молитвы за царя они показали меньшую привязанность

къ преданіямъ своихъ отцовъ. Этой-то сектѣ, менѣе преданной старинѣ, болѣе поддающейся вліянію совершающихся историческихъ перемѣнъ, суждено было дать безпоповщинѣ другое направленіе, — суждено ниспровергнуть самые основные принципы безпоповцевъ.

Секта еодосѣвцевъ сосредоточила главныя свои силы на Преображенскомъ кладбищѣ; представителемъ отъ поморцевъ сдѣлалась Покровская часовня. При самомъ началѣ образованія этихъ двухъ безпоповщинскихъ притоновъ произошелъ между ними споръ о бракѣ. Вопросъ поднять и все съ бѣльшей и бѣльшей силой защищаемъ былъ Покровской часовней. Но такъ какъ этотъ вопросъ касался всей сущности безпоповщины, такъ какъ вопросъ о бракѣ совершенно противоположенъ былъ ея аскетическому направленію, вслѣдствіе этого произошелъ серьезный споръ, образовалось существенное раздѣленіе между поморцами и еодосѣвцами.

Впрочемъ вопросъ о бракѣ занималъ еще на первыхъ порахъ вниманіе безпоповцевъ, хотя невозможно опредѣлить, на сколько онъ рѣшенъ былъ положительнымъ образомъ. Намъ кажется, что безпоповцы въ этомъ случаѣ только и выработали для себя одно сомнѣніе. Они не рѣшались принять бракъ, отвергнувъ священство, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могли и совершенно отвергать его, потому что предводители раскола должны же были сознавать, что немислимое дѣло — заставить всѣхъ, безъ всякаго исключенія, вести жизнь безбрачную. И мы видимъ, что наставники безпоповцевъ въ этомъ случаѣ приспособлялись къ обстоятельствамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько возможно, старались избѣгать положительнаго

отвѣта на вопросъ о бракѣ. Такъ напр. о Феодосіѣ (основателѣ секты еодосѣвской) нѣкоторые рукописи говорятъ, что онъ допускалъ браки, а другія, напротивъ, что расторгалъ *). Равнымъ образомъ объ Андрѣ Денисовѣ, касательно этого вопроса, ничего нельзя сказать опредѣленнаго. Довольно того, что нѣкто Вышатиинъ, одинъ изъ приближенныхъ Денисова, пользовавшійся большимъ уваженіемъ у безпоповцевъ, сказалъ ему: «я вамъ не товарищъ буду на судѣ Божіемъ въ томъ, яко браки затвористе». Еслибы Денисовъ съ полной увѣренностью отрицалъ бракъ, то вѣроятно онъ укорилъ бы его за такія «поповщинскія» мысли. Но этого мы не видимъ. Денисовъ касательно такого рода вопросовъ говорилъ: «какъ судъ разумныхъ изволить». Подобно Вышатиину поступалъ извѣстный у безпоповцевъ Леонтій Феодосѣевичъ. Если къ нему обращались съ усердной просьбой принять въ общество, не расторгая брака, то онъ иногда принималъ. «Бысть Іакова Семенова уставщика о братѣ его Петрѣ прошеніе, да приметъ его съ женою», и Леонтій согласился. Вслѣдствіе подобныхъ фактовъ, мы принуждены согласиться, что мнѣніе о бракахъ было «сѣмо и овамо: вы отецъ нашихъ, говоритъ Иванъ Алексѣевъ, не были въ секретныхъ о томъ судахъ, убо и вѣдать вамъ намѣренія ихъ невозможно» **). Но какъ бы то ни было, рано или поздно безпоповцы должны же были положительно рѣшить вопросъ о бракѣ; должны были или окончательно отвергнуть семейную жизнь, или принять бракъ

*) См. письмо Зенкова къ Василью Емельянову; рук. Публ. Библиотеки № 37.

**) См. сочиненіе Ивана Алексѣева «О тайнѣ брака».

не въ видѣ исключеній, но въ видѣ только одного повторства и снисхожденія.

Главный основатель Покровской часовни, Василий Емельяновъ, первый допустилъ въ своей общинѣ семейную жизнь. Онъ всѣхъ приходившихъ къ нему безпоповцевъ сталъ благословлять на бракъ: «женившійся не согрѣшаетъ, бракъ чистъ и ложе нескверно», говорилъ онъ. Такимъ образомъ, когда Илья Алексѣевъ (въ 1771 г.), въ устроенномъ имъ Преображенскомъ кладбищѣ, ввелъ всеобщее и безусловное дѣвство, въ тоже почти время Василий Емельяновъ, въ своей Покровской часовнѣ, сталъ всѣхъ благословлять на бракъ. Василий Емельяновъ пользовался огромнѣйшимъ авторитетомъ между безпоповцами; не говоря уже о поморцахъ, даже еедосѣвцы уважали его. Такъ Зенковъ, еще бывши членомъ Преображенскаго кладбища, въ письмѣ къ Василию Емельянову, называетъ его пастыремъ и учителемъ, единственнымъ человѣкомъ, исполненнымъ правды и истины: «ты самимъ Богомъ наученный, говоритъ онъ, ты намъ Богомъ поставленный предводитель на правый путь; о тебѣ все упованіе наше, тобою чаемъ спастися») и т. д. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ ни одного сочиненія Василя Емельянова. Впрочемъ онъ и не былъ замѣчателенъ, какъ раскольническій писатель: въ каталогъ Павла Любопытнаго упоминается только два его сочиненія о бракѣ. Василий Емельяновъ былъ человѣкъ жизни и дѣла, а не теоріи; дѣйствовалъ единственно по влеченію своего сердца, по убѣжденію простаго разсудка. А такой чело-

вѣкъ, съ прямымъ и естественнымъ взглядомъ на вещи, скорѣе могъ придти къ той простой мысли, что пустынную жизнь невозможно вести въ городахъ, что аскетизмъ и подвижничество не мирится съ столицей. Преображенское кладбище служило для него въ этомъ случаѣ очень назидательнымъ примѣромъ: оно представило ему страшную картину разврата; онъ ясно видѣлъ, какъ у этихъ мнимыхъ аскетовъ, поселившихся въ Москвѣ, все съ бѣльшею и бѣльшею силой распространяются пороки. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, самая главная причина возвращенія одной части безпоповцевъ къ семейной жизни это — крайній развратъ въ другой. Мы дальше увидимъ, что чѣмъ больше усиливается развратъ на Преображенскомъ кладбищѣ, тѣмъ сильнѣе защищаетъ Покровская часовня брачную жизнь. Василий Емельяновъ, разрѣшивъ для всѣхъ семейную жизнь въ своей общинѣ, не задавалъ себѣ подобныхъ вопросовъ: справедливо ли допускать бракъ безпоповцу, не будетъ ли это прямымъ противорѣчіемъ преданію отцовъ и т. д.; для него было довольно того, что это дѣло не противорѣчитъ его совѣсти, «не претитъ» его разсудку.

Нашу мысль подтверждаетъ слѣдующій фактъ. До выголексинской общины дошелъ слухъ, что въ Москвѣ изъ секты поморской образовалось сословіе брачующихся, гдѣ допускаются браки не какъ исключенія, а какъ общее право каждаго, желающаго вести семейную жизнь. Вслѣдствіе этого, необыкновеннаго для безпоповцевъ, случая, здѣсь былъ собранъ соборъ. Много разсуждали раскольники «о распряхъ и раздорахъ, явившихся въ настоящее плачевное время въ чадѣхъ церковныхъ». Осо-

*) См. рук. Публ. Библ. по отд. бракоборныхъ сочиненій № 37.

бенно же всѣхъ занимала весьма важная задача: «о новозаведенномъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ нѣкихъ христіанъ сомнительномъ толкованіи о бракѣ». Главнымъ представителемъ этихъ нѣкихъ христіанъ и былъ Василій Емельяновъ. Онъ призванъ былъ на Выгу, чтобы рѣшить христіанское сумлѣніе. Споръ былъ, по обыкновению, горячій и продолжительный, и Василій Емельяновъ, вполне увѣренный въ правотѣ своего дѣла, но какъ человекъ не книжный, сдался на различныя убѣжденія выговцевъ и принужденъ былъ подписаться подъ слѣдующія положенія, вызванныя его нововведеніемъ: 1) о бракахъ учить такъ, какъ прежніе отцы учили; 2) истиннымъ бракомъ признавать только благословенный священникомъ; 3) брачущихся отлучать; 4) вновь поступающихъ (въ безпоповство) принимать не иначе, какъ съ разводомъ; 5) проповѣдующихъ брачную жизнь отлучать. «Къ сему обязательному письму, еже впредь защищенія безсвященнословнымъ бракомъ чинить не буду»; такъ подписался Василій Емельяновъ *). Не смотря на эту подписку, Василій Емельяновъ, возвратившись въ Москву, по прежнему сталъ благословлять на бракъ. Также призывалъ къ себѣ на судъ по этому поводу Василія Емельянова Илья Ковылинъ. Емельяновъ предъ нимъ рѣшился-было оправдать свое нововведеніе, но Ковылинъ не сталъ его слушать, ударилъ нѣсколько разъ по щекѣ и прогналъ.

*) Дальше слѣдуютъ подписи его сообщниковъ: «грѣшный Иона, послѣдній всѣхъ Тимофей Андреевъ, убого-послѣдній Симеонъ Иродіоновъ, всенижайшій и убого-послѣдній Иванъ Сидоровъ». Рук. Пуб. Библ. № 29.

Такимъ образомъ Василій Емельяновъ былъ только вводителемъ и покровителемъ семейной жизни; но не съ его силами и знаніемъ было возможно защищать ее. Впрочемъ мы этимъ самымъ не хотимъ сказать того, что личность и дѣятельность Василія Емельянова были незначительны. Въ этомъ случаѣ у раскольниковъ много значить примѣръ, который имъ подаетъ ихъ наставникъ, наставникъ, всѣми уважаемый, и, по ихъ мнѣнію, человекъ святой и праведной жизни. Фактъ былъ допущенъ, бракъ возведенъ въ жизнь всѣми уважаемымъ наставникомъ, — и это уже много значило. Притомъ, жизнь вырабатываетъ извѣстные законы, извѣстныя условія и правила обществъ, а не наоборотъ. Не было особенной нужды въ бракѣ, когда безпоповцы жили внѣ городовъ, лишенные всякой свободы, и никто не смѣлъ доказывать его необходимость; но прошло время гоненій, явилась возможность возстановить семейную жизнь, высказана была Васильемъ Емельяновымъ, хотя бездоказательно, необходимость семейной жизни, этого на первый разъ и довольно: защищать же извѣстное, необходимое требованіе, высказанное обществомъ, всегда найдутся люди между его членами.

Поэтому-то изъ среды Покровской часовни, какъ скоро она допустила семейную жизнь и такимъ образомъ вызвала противъ себя вражду Преображенскаго гладбища, тотчасъ выступили болѣе или менѣе сильные защитники брака, написавшіе по этому поводу множество сочиненій, въ которыхъ они съ одной стороны доказывали законность своего брака, съ другой — вооружались и отрицали безусловное требованіе Преображенскаго гладбища всеобщаго дѣвства.

Изъ исторіи Преображенскаго кладбища и Покровской часовни видно, что они и во внѣшнемъ своемъ устройствѣ рѣзко отличались между собою; на сколько же противоположна самая внутренняя жизнь той и другой партіи, — партіи Преображенскаго кладбища и покровцевъ, — мы увидимъ, разсмотрѣвъ нѣкоторыя извѣстные намъ сочиненія наставниковъ Покровской часовни, которыя были написаны ими или въ защиту извѣстнаго ихъ понятія о бракѣ — апологетическія, или въ опроверженіе мнимаго дѣвства едосѣвскаго — полемическія.

І.

Къ числу перваго рода писателей (апологетовъ) относятся сочиненія: Скачкова и Заяцевскаго.

Павель Любопытный въ своей раскольнической библиографіи отзывается о Скачковѣ съ особенною похвалою. Дѣйствительно, изъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ намъ его сочиненій нельзя не видѣть въ Скачковѣ человѣка очень начитаннаго, и, главнымъ образомъ, человѣка мало стѣснявшагося тѣми безпоповщинскими понятіями, которыя, по его мнѣнію, не мирились съ сущностію христіанскихъ началъ. Такъ, онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій (о двухъ путяхъ) прямо высказываетъ такого рода мысль, что безпоповцы, отвергая бракъ и допуская только одно дѣвство, не могутъ по этому назваться истинными христіанами. Истинная и православная Церковь никогда не требовала отъ своихъ членовъ непремѣннаго дѣвства, и если христіанство можетъ быть поставлено какими-либо обстоятельствами въ подобное положеніе, то оно въ такомъ случаѣ теряетъ тотъ свой основной характеръ,

о которомъ Иисусъ Христосъ сказалъ: «иго Мое благо и бремя Мое легко есть». Отсюда Скачковъ дошелъ до убѣжденія, что Иисусъ Христосъ, заботящійся о нашемъ спасеніи, «того ради и заповѣди легкія даде; вѣрующимъ въ Него не единовидное и единодѣтельное житіе устроилъ, но два спасительные пути предложилъ — путь дѣвственный и брачный. Такимъ образомъ Скачковъ, начиная борьбу съ едосѣвцами, признающими одно дѣвство, не впалъ въ какую-либо противоположную крайность. Онъ не называетъ дѣвство, подобно Лютеру, неестественнымъ и уродливымъ явленіемъ: напротивъ, относится къ нему съ должнымъ уваженіемъ. Дѣвство должно почитать выше брака: отъ Дѣвы Самъ І. Христосъ родился и многіе изъ учениковъ его были дѣвственники. Еслибы загражденъ былъ для всѣхъ этотъ путь, то не было бы таковыхъ свѣтильниковъ, каковъ Іоаннъ Предтеча и прочіи святіи: Афанасій, Кириллъ и Никола. «Аще бы вси брачнѣи были, говоритъ онъ, — то имѣли бы неотложное попеченіе о своей женѣ и дѣтяхъ, и како бы возмогли встати противу враговъ нападающихъ на Церковь Христову? Не было бы имъ столь свободнаго времени гремѣти златословесными ученіями, и Церковь Христова не имѣла бы таковаго богатства разума». Вообще Скачковъ доказываетъ, что дѣвство постоянно должно пребывать въ православной Церкви «ради умноженія талантовъ».

Отдавая полное уваженіе дѣвственной жизни, Скачковъ говоритъ, что несправедливо при этомъ возвышать ее въ ущербъ брачной, безразсудно требовать отъ всѣхъ непремѣннаго дѣвства. Самъ Спаситель почтилъ бракъ, сотворивъ Свое чудо, о дѣвствѣ же прямо сказалъ: «не

все могутъ совмѣстить словеси сего, но имъ же дано есть». Далѣе онъ, въ подтвержденіе своей мысли, приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ посланія апостола Павла, и наконецъ множество свидѣтельствъ изъ ученія св. Отцовъ; наприм. слова Кирилла Іерусалимскаго: «и ты бо (т. е. дѣвственникъ), иже чистоту имаши, не отъ женившихся ли рожденъ еси? Егда злато стяжалъ еси, серебро ли отмѣщиши?» Вслѣдъ за подобными свидѣтельствами Скачковъ говоритъ, что даже и съ цѣлой исторіей ветхозавѣтной и новозавѣтной Церкви несообразно отвергать брачную жизнь: «откуда бы родился Ной, праотецъ нашъ? Откуда бы Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Предтеча Іоаннъ, Никола и прочіи святіи? Все отъ законнаго супружества произошли. Притомъ не только отъ обоихъ правовѣрныхъ, но и отъ таковыхъ, которые вѣрные съ невѣрными въ законномъ сопряженіи пребывали; отъ нихъ же Григорій Богословъ, Климентъ Никирскій и прочіе. Итакъ всякій благоразумный долженъ согласиться съ нами, что возлюбленная невѣста Христова св. Церковь сими двумя чинами — дѣвственниками и супружными, яко двѣми крылами орла великаго, ими же возлетая къ Пренепорочному своему Жениху-Христу, возноситъ и всѣхъ, въ объятіяхъ ея пребывающихъ; отъими едино крыло самыя прелестнѣйшія птицы, тогда она не можетъ возлетати на высоту. Тако еще отъбьмеша единъ чинъ дѣвственныхъ, или супружныхъ отъ св. Церкви, то она не можетъ быть истинная невѣста Христова. Поэтому и св. соборы предавали проклятію тѣхъ, которые презирали брачный путь: аще кто дѣвствуетъ или воздержится, яко же мерзость творяще бракъ, говоритъ 9-е

правило гангрскаго собора, да будетъ проклятъ». — Такой общій взглядъ на дѣвство и супружество высказалъ Скачковъ въ своемъ сочиненіи, «О двухъ путяхъ»*), которое онъ заключаетъ слѣдующимъ нравоученіемъ:

Различные пути въ небесно царство «вводятъ»;
 Которые по нихъ разумно прямо ходить:
 Отъ скверныхъ дѣлъ бѣгутъ, хранять святое дѣвство;
 Словами, дѣломъ все являютъ чисто дѣвство.
 Не могутъ ли вмѣстити, въ законный бракъ вступають;
 Дѣтей родятъ себѣ и Бога прославляютъ.
 Едина Церковь всехъ въ объятія приемлетъ,
 Христосъ ея женихъ хранить и не воздремлетъ.
 Не пуститъ Онъ волковъ, чтобъ стадо разогнали,
 Нелѣпость бы ввели, законъ святой попрали;
 Предѣлы бы Творца, конечно, отложили,
 Хотѣнія своя на вѣки бы утвердили;
 Словесныхъ естеству въ иное претвориться:
 Съ женами всемъ не жить и дѣтямъ не родиться.
 Но въ камень претворить едва ли всехъ возможно.
 Все сказанное здѣсь воистину не ложно.

Доказавши такимъ образомъ едосѣвцамъ, что Покровская часовня не противорѣчитъ христіанскому ученію, допуская бракъ, и что дѣвство не есть единственный путь ко спасенію, Скачковъ разрѣшаетъ и слѣдующее одно изъ основныхъ возраженій противъ брака Преображенскаго кладбища: мы (т. е. вообще безпоповцы) не должны допускать брачную жизнь по самой необходимости, ибо нѣтъ священства (іерархіи), слѣдовательно нѣтъ таинствъ, нѣтъ и брака (разумѣя здѣсь, конечно, бракъ законный, бракъ какъ таинство).

Надобно замѣтить, что покровцы и едосѣвцы относительно «священства» разсуждаютъ не совсѣмъ одина-

*) См. рук. Публ. Библиотеки по отд. бракорборныхъ сочиненій, № 29.

ковымъ образомъ. Въ рукописяхъ наставниковъ Покровской часовни постоянно встрѣчаются подобныя выраженія: «мы такъ поступаемъ не по презрѣнію къ священству, — мы желали бы имѣть согласнаго священника», и т. д. Подобныя фразы имѣютъ очень важное значеніе, очень характеризуютъ покровцевъ: это можно принять за начало сознанія ея необходимости. Извѣстно, что по ученію первыхъ беспоповцевъ «священство невозвратно улетѣло на небо». Также думаютъ и Ѳедосѣевцы; и потому въ ихъ разсужденіяхъ, касательно этого предмета, слышится какое-то озлобленіе, отчаяніе и совершенная безнадежность. Ѳедосѣевцы никогда не высказывали мысли помириться съ іерархіею. Скачковъ же едва ли не первый высказалъ, хотя не смѣло, полунамеками, что «священство не не вѣки пало». Но какъ бы то ни было, онъ не могъ дальше развивать подобныя, не свойственныя беспоповцу понятія. Вслѣдствіе этого ему по видимому оставалось признать одно изъ двухъ: или необходимую нужду въ іерархіи въ оправданіе защищаемаго имъ брака, брака какъ таинства, или согласиться съ Ѳедосѣевцами, что браки, совершаемые Покровской часовней, незаконны, имѣютъ только значеніе гражданскаго союза. Но Скачковъ, не рѣшаясь ни на первое, ни на послѣднее, съ чисто беспоповщинской точки зрѣнія раскрываетъ и защищаетъ предъ Ѳедосѣевцами свой совершенно своеобразный взглядъ на бракъ, на бракъ какъ таинство. Передадимъ въ короткихъ словахъ его понятіе о бракѣ: бракъ есть таинство, совершаемое со взаимнаго согласія жениха и невѣсты, по благословенію Божію, въ знакъ союза Христа съ Церковію, для рожденія и воспи-

танія дѣтей въ Царство Христово. По видимому, такое опредѣленіе таинства брака не рѣзко отличается отъ истиннаго, православнаго, но надобно обратить вниманіе на то, какъ онъ анализируетъ общее понятіе о бракѣ и какія онъ выводитъ слѣдствія изъ своихъ анализовъ. Общее понятіе о бракѣ Скачковъ разсматриваетъ съ шести различныхъ сторонъ: опредѣляетъ, что есть матерія таинства брака, его форма и т. д. Каждое частное опредѣленіе онъ выражаетъ словами какой-либо св. книги, имѣющими силу непоколебимаго свидѣтельства особенно для раскольника. Что есть матерія, т. е. изъ чего бракъ происходитъ? спрашиваетъ онъ. Въ отвѣтъ на это онъ приводитъ слова Кормчей: «вещь сея тайны есть мужъ и жена въ приобщеніи брака честно» и большаго катихизиса: «вещество сея тайны — сопрягающіися». Это опредѣленіе матеріи брака, говоритъ Скачковъ, совершенно справедливо и достаточно; ибо «всегдашній опытъ доказываетъ, что когда есть женихъ и невѣста, то изъ того и бракъ всегда производится, аще же нѣтъ жениха и невѣсты, то и бракъ не можетъ состояться». Послѣдними словами особенно Скачковъ предполагаетъ слѣдующее: изъ понятія о матеріи таинства брака не видно того, что онъ долженъ совершаться съ благословенія священника. Эту же мысль онъ уже яснѣе высказываетъ, говоря о формѣ брака. «Что есть форма, спрашиваетъ Скачковъ, т. е., отъ чего бракъ приходитъ въ совершенство? — Онныя брачующихся глаголы, яко по любви сопрягаются и обѣтоваются (большой катихизисъ); форма (брака) суть словеса совокупающихся, изволеніе ихъ внутреннее предъ іереемъ (Кормч. гл. 51); форма

есть исповѣданіе рѣчей ихъ предъ обрѣтающимися тогда, сирѣчь: хочещи ли мя? Хочу тя (Слово Гавріила Филadelphійскаго). Еслибы, замѣчаетъ послѣ сего Скачковъ, отъ священника проистекало браку совершенство, то сими свидѣтельствами было бы сказано: браку совершенство должно получить отъ іерея, а не предъ іереомъ; ино бо — имъ, ино бо — предъ нимъ. Посему возможность, дарующая браку полный образъ, суть токмо взаимное обязательство брачующихся, выражаемое словами: хочу, беру, иду, моею властію». Всѣ подобныя фразы, по мнѣнію Скачкова, доказываютъ, что священникъ въ этомъ случаѣ есть не больше какъ свидѣтель, что и безъ его содѣйствія бракъ имѣетъ значеніе таинства. Для опредѣленія «о дѣйствителѣ» (совершителѣ) таинства брака, Скачковъ беретъ слова большаго катихизиса: «дѣйствителю сея тайны первое убо Самъ Господь Богъ, якоже Моисей боговидецъ пишетъ: раститесь и множитесь; еже и Господь утверждаетъ, глаголя: якоже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ. Посемъ сами брачующіеся себѣ тайну дѣйствуютъ, глаголя: азъ ты посягаю въ жену, азъ же ты посягаю въ мужа». Вслѣдъ за сими словами Скачковъ съ полною увѣренностію говоритъ: «симъ доказательствомъ о дѣйствителѣ законнаго брака всѣ сомнѣнія уже въ насъ рѣшаются. Здѣсь всякъ, кто имѣетъ чувство слуха и зрѣнія, ясно усматриваетъ, что возможность устроить бракъ состоитъ во власти брачующихся токмо. Кто же будетъ такъ мало правосуденъ, чтобы сію истину не утвердить въ ея справедливости? Говоря о концѣ брака (т. е. о цѣли), Скачковъ доказываетъ, что бракъ будетъ продолжаться до самаго скончанія міра, и

что поэтому нельзя думать, будто онъ долженъ прекратиться вмѣстѣ съ священствомъ.

Положимъ, изъ всего сказаннаго Скачковымъ нѣкоторые изъ безпоповцевъ могли согласиться на то, что бракъ, совершаемый безъ священника, имѣетъ, подобно браку язычниковъ, нѣкоторое достоинство; но ему не довольно было этого: онъ идетъ дальше и самъ предлагаетъ вопросъ, почему бракъ называется тайною великою, тайною во Христа и во Церковь? «Не по обрядамъ какимъ-либо молитвословнымъ, отвѣчаетъ, или вѣнценоснымъ великолѣпностямъ: но по святѣйшимъ свойствамъ Христа съ Церковію соединенія, но по теплѣйшей связи законосочетавшихся». Эту мысль онъ развиваетъ слѣдующимъ образомъ: бракъ называется тайною великою а) «по соединенію»: Христосъ Спаситель снишелъ въ міръ къ невѣстѣ своей св. Церкви и соединился съ нею; такъ и законобрачующіеся оставляютъ своихъ родителей и соединяются другъ съ другомъ; б) по превосходству власти: зане мужъ глава жены, якоже и Христосъ есть глава Церкви; в) по покорности: якоже Церковь повинуется Христу, такъ и жены должны повиноваться своимъ мужемъ; г) по любви: мужи любите своя жены, якоже и Христосъ возлюбилъ Церковь; д) по промыслу: промысли и ты о ней (женѣ), якоже Христосъ о Церкви; е) по неразлучности: Христосъ вѣчно пребываетъ съ Церковію, и жена отъ мужа не разлучается; ж) по вѣчности пребыванія: Церковь вѣчно пребудетъ, и таинство брака продолжится до самаго скончанія міра».

Ясное дѣло, что подобныя схоластическія доказательства не имѣютъ никакого значенія и даже смысла для

истиннаго, православнаго христіанина, потому что здѣсь самое слово церковь понимается Скачковымъ конечно не въ смыслѣ православномъ, а въ раскольническомъ безпоповскомъ, т. е. церковь безъ всякой іерархіи. Для еодосѣвцевъ же, предъ которыми Скачковъ защищаетъ браки Покровской часовни, такія доказательства становятся неопровергаемыми: онъ выводитъ ихъ изъ тѣхъ же началъ, которыхъ держатся сами еодосѣвцы, и по ихъ также мнѣнію церковь можетъ назваться истинною безъ іерархіи.

Поэтому-то, когда Скачковъ сталъ распространять подобнаго рода свои сочиненія, тогда многіе сторонники Преображенскаго кладбища пришли въ крайнее недоумѣніе. Изъ провинцій сюда отпавлены были посланія, гдѣ еодосѣвцы съ какимъ-то отчаяніемъ просятъ защитить ихъ отъ новыхъ ученій, разрѣшить ихъ различныя недоразумѣнія. Мы передадимъ въ короткихъ словахъ поводъ и содержаніе одного посланія, написаннаго жителями какого-то города Т. къ наставникамъ Преображенскаго кладбища. Здѣсь получено было строгое предписаніе кладбища «сохранять дѣвственную жизнь», не исполняющихъ же этого требованія изгонять изъ общества, «отлучать отъ церкви». По этому поводу многіе сосѣдственные раскольники, «брачущіися», представили на это свои возраженія, выбранныя ими изъ сочиненій Скачкова и другихъ наставниковъ Покровской часовни, «которыя, — пишутъ жители города Т. — мы неоднократно смотрѣли, но опровергнуть ихъ не могли. Да и возможно ли намъ сразить брачущихся, когда они много подробнѣе о бракѣ насъ разсуждаютъ и поражаютъ насъ — то

матерію, то формою, то конечными причинами». Вотъ, между прочимъ, какія возраженія не могли разрѣшить сами провинціалы-еодосѣвцы, и на которыя просятъ отвѣтить наставниковъ кладбища. «Скажите намъ, пишутъ они, что изъ чина браковѣчаннаго: священникъ ли самъ, или молитвы какія, или ектенія какая? Чинъ брака и чинъ вѣчанія — оба они одно ли и тоже, и одинъ ли изъ обоихъ чинъ брака, или оба они въ раздѣльности разныя вещи? Чинъ вѣчанный вкупѣ ли съ чиномъ брака произведены, или въ разныя времена, и который изъ нихъ другаго прежде? Когда жъ чинъ вѣчанія послѣ, то до онаго у православныхъ былъ ли бракъ чинный? И какія вещи, и что суть части чина брака?... Сн и подобныя заданныя намъ предложенія сдѣлали наше православіе безгласнымъ; мы замолчали, въ насъ свѣдѣнія не стало. Впрочемъ мы не сдались на ихъ сторону и съ ними разошлись съ тѣмъ, что христіане московскіе сіе совершенно рѣшатъ. Православные христіане! когда вы не объясните наше недоуміе, наше православіе падеть» *).

Мы не знаемъ, какъ отвѣтило Преображенское кладбище на подобныя вопросы жителей города Т.; но только можемъ съ достовѣрностію предполагать, что наставники кладбища, вмѣсто того, чтобы разрѣшить подобныя недоумѣнія своихъ единомышленниковъ, старались предложить новыя возраженія Покровской часовнѣ относительно брака, чтобы такимъ образомъ подорвать къ ней всякое довѣріе.

*) См. рук. Публ. Библ. по отд. бракобор. сочин. № 33.

Изъ болѣе замѣчательныхъ возраженій, приводимыхъ едосѣвцами въ доказательство незаконности браковъ Покровской часовни, заимствованы ими изъ преданія, изъ исторіи православной Церкви. Но безпоповцы, разъ измѣнивъ православной Церкви, отвергнувъ богоучрежденную іерархію, поэтому естественно должны были перемѣнить свой взглядъ и на св. преданіе. Они не высказываютъ прямого неповиновенія св. преданію; напротивъ, даже любятъ доказывать, что они-то и есть собственно старовѣры, нисколько не измѣнившіе древней Церкви. А между тѣмъ всѣ мѣста изъ твореній св. отцевъ, всѣ основныя постановленія православной Церкви, неблагопріятствующія ихъ заблужденіямъ, безпоповцы отвергаютъ, не давая имъ свойственнаго значенія. Признавая на примѣръ извѣстное установленіе истиннымъ и непреложнымъ, они въ тоже время говорятъ, что оно имѣло полное значеніе и силу только въ свое время, а до нихъ, людей, живущихъ подъ другими условіями, «оное не касается»: такъ разсуждаютъ и покровцы и едосѣвцы. Поэтому первые, зная конечно взглядъ на преданіе своихъ противниковъ, въ спорахъ съ ними держатся обыкновенно слѣдующаго правила: или стараются извѣстное возраженіе обратить противъ ихъ же самихъ, или противъ одного извѣстнаго свидѣтельства, приводимаго едосѣвцами, приписываютъ съ своей стороны нѣсколько другихъ, въ какомъ-либо отношеніи болѣе имъ благопріятствующихъ.

Покровская часовня еще съ 1771 года считаетъ только пять необходимыхъ условій къ совершенію законнаго брака: 1) согласіе жениха и невесты, 2) родительское

благословеніе, 3) обрученіе, 4) свидѣтели и 5) лѣта сочетающихся; но при совершеніи брака здѣсь не требуется никакого внѣшняго обряда, — ни молитвъ, ни вѣнчанія, положеннаго греко-россійскою Церковію, ни даже священническаго благословенія. По этому едосѣвцы справедливо говорятъ, что безъ вѣнчанія и благословенія священника браки Покровской часовни не могутъ быть законны — «начаша беззаконны», — что это противорѣчитъ исторіи православной Церкви, въ доказательство чего они во первыхъ приводятъ слова св. Игнатія Богоносца: подобаетъ жениющимся съ волею епископа сочетаватися, да бракъ будетъ о Господѣ, а не во похоти.

Скачковъ сперва, не опровергая словъ св. Игнатія, предпосылаетъ едосѣвцамъ слѣдующее возраженіе: Покровская часовня не считаетъ необходимою принадлежностью при совершеніи брака обряды вѣнчанія и благословенія священническаго, «яко Адамъ и Ева и послѣ Сифъ, отъ него же сыны Божіи именовашуся, Енохъ, иже угоди Богу, праведный Ной, спасшійся въ ковчегъ, и потомъ великіи угодники Божіи: Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, да и по плѣненіи Вавилонскомъ Захарія и Елисаветъ, Іоакимъ и Іоанна и ключаръ небеснаго царствія св. Петръ: сіи вси бракосопряженіи были, но чина вѣнчанія, каковъ положенъ въ греко-россійскихъ потребникахъ, на всѣхъ оныхъ не было; а всѣ сіи бракъ законный имѣли, и вси блудодѣтели не были и ни отъ кого не именовались». Что же касается до словъ, приводимыхъ едосѣвцами изъ посланія св. Игнатія, то Скачковъ это возраженіе обращаетъ противъ ихъ же самихъ. По его мнѣнію, св. Игнатій издавалъ такого рода

повелѣнія съ тою единственно цѣлю, чтобы подчинить простой народъ іерархіи: «понеже тогда святіи простой народъ привязывали къ чину священному, то и начатки овощей повелѣвали приносить къ священнымъ лицамъ; посему и св. Игнатій пишетъ: не лѣтъ есть безъ епископа ни крестити, ни жертвы проскомидати, ни церковныхъ пировъ совершати». Если же вы, обращаете онъ къ едосѣвцамъ, считаете подобныя приказанія необходимыми на всѣ времена, то и крестить и дѣвствовать безъ епископа невозможно. Но аще безъ епископа дѣвствовать и крестить возможно (что признаютъ и сами едосѣвцы), посему можно и законобратиться, тѣмъ наипаче, яко св. Игнатій глаголетъ: «съ волею епископа должно сочетоватися, а не вѣнчатися». Послѣ сего едосѣвцамъ оставалось или признать самихъ себя отступниками Церкви, не согласными съ повелѣніемъ св. Игнатія, или сознаться, что бракъ покровцевъ есть законный, по крайней мѣрѣ на столько же, на сколько законно принимаемое ими дѣвство и крещеніе. Но Скачковъ не ограничился тѣмъ, что обратилъ возраженіе едосѣвцевъ противъ ихъ же самихъ; онъ далѣе доказываетъ, что «безсвященные» браки издавна употреблялись православною Церковію: «Матвей канонистъ въ главѣ 8 въ толкованіи 38 правила Василія Великаго явственно показываетъ, яко тогда упоминаемые имъ браки кромѣ всякаго священнословія состоялися; то же и Севасть Арменополь въ книгѣ 8 объясняетъ, яко тогда (при Вас. Вел.) съ соизволеніемъ, а не съ священнословіемъ браки состояша, но зазрѣнія ни отъ правилъ, ни отъ закона, ни отъ кого не бывало». Но какъ же послѣ сего по-

нимаетъ Скачковъ вѣнчаніе, какое значеніе онъ придаетъ ему? «Вѣнчаніе, говоритъ онъ, не есть тайна, ниже содѣйствіе въ тайну бракъ притворяющее, а есть токмо благолѣпное украшеніе, случайно устроенное». Въ доказательство чего онъ приводитъ слова Максима грека: «а вѣнцы, ими же вѣнчаютъ свадьбы, по моему догаду, а по уставу писанному не имѣю тебѣ сказать; не случалось мнѣ видѣть толку о семъ; — обаче елико возможно догадаться, глаголю тебѣ: понеже убо писано во псалмѣхъ: жена твоя яко лоза плодовита и пр., лозіе же виноградъ есть, изъ него же ягоды виночны, глаголемыя по-татарски изюмъ, а по писанію гроздіе. Сего ради св. отцы установили вѣнчати лозою виноградною, а не березною, поминающе тѣмъ образомъ плодоносіе добрыхъ дѣлъ къ Богу».

Второе возраженіе заимствовано едосѣвцами изъ словъ царя Алексѣя Комнина: «громъ священнословія совокупающіися на грѣхъ сходятся». Скачковъ прежде всего обращается къ своему возражателю съ слѣдующимъ совѣтомъ: «долженствовало бы вопросодателю прежде взяти оную книгу (т. е. книгу Алексѣя Комнина), разогнувъ прочести, и вняти смыслъ рѣченій тѣхъ и познати: кто, когда, кому и для чего писалъ, — и тогда бы въ доводъ оное приводить». Вслѣдъ за такимъ совѣтомъ, Скачковъ самъ отвѣчаетъ на эти вопросы, желая такимъ образомъ доказать, «что сіе установленіе Алексѣя Комнина къ ниспроверженію совершаемыхъ нынѣ браковъ соприкасатися не можетъ; писалъ сіе установленіе, говоритъ онъ, греческій царь Алексѣй Комнинъ, когда церковь греческая пребывала въ мирномъ

состояніи, когда не имѣлось въ дѣйствиі таинъ никакихъ недостатковъ. Писалъ онъ того ради, да будетъ, какъ и въ прочихъ тайнахъ, такъ и въ бракосочетаніи, одинаковое дѣйствіе надъ всѣми; и чтобы рабы сподобляемы были, яко и господіе молитвословія іерейскаго: ибо до того времени едины господа токмо сподоблялись іерейскаго благословенія, а рабовъ своихъ до сего не допускали, чтобы они не были свободны. Алексѣй же Комнинъ, желая таковой обычай измѣнить и таковое неравенство между единовѣрными прекратить, присокупилъ для сего таковое изрѣченіе: кромѣ священнословія совокупляющіяся на грѣхъ сходятся; и аще се отъ кого-либо сотворится, да вѣдаютъ господіе, а рабъ своихъ чужди будутъ». Обставивши такимъ образомъ обстоятельствами и условіями, подъ вліяніемъ которыхъ Алексѣй Комнинъ издалъ это постановленіе, Скачковъ такимъ образомъ надѣялся ослабить силу возраженія едосѣвцевъ. Онъ далѣе отсюда выводитъ такія слѣдствія, будто а) браки, совершаемые безъ благословенія священника, считались до Алексѣя Комнина законными, а что слѣдовательно б) они и послѣ него могутъ быть допускаемы, и наконецъ в) благословеніе священника есть не больше, какъ обычай, который Алексѣй Комнинъ ввелъ во всеобщее употребленіе, а не существенная принадлежность сего таинства. Последнее положеніе Скачковъ ухищряется доказывать слѣдующимъ образомъ: «когда Алексѣй Комнинъ издалъ повелѣніе, спрашиваетъ онъ, считать законнымъ бракомъ совершаемый не иначе какъ съ благословеніемъ священника, то перемѣнилъ ли сущность брака»? и вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ этого вопроса онъ

думаетъ ниспровергнуть возраженіе. «Всякій, имѣющій здравый разумъ, скажетъ, что сущности вещей, равно и брака, непремѣняемы. Да и какъ возможно государю, такому же какъ и прочіе по существу человѣку, но токмо яко начальнику въ воинскихъ и гражданскихъ дѣлахъ отъ всѣхъ честію почтенному, — сущность брака отъ Самого Бога опредѣленную измѣнить? Посему и видимъ, что какъ прежде, такъ и послѣ Комнина и въ невѣрныхъ и иновѣрныхъ, у коихъ священнословіе бывати не могло, браки пребывали неизмѣнно и отъ св. церковныхъ учителей именовались законными. Ибо по воспріятіи таковыми православныя вѣры ничего надъ ними церковными установленіями дѣйствовать не предано; они бывали оставляемы безъ всякаго направленія и навершенія. Притомъ, еслибы Алексѣй Комнинъ сущность брака и перемѣнилъ, то о томъ, какъ церковь, такъ и онъ самъ не умолчалъ бы». Но при всемъ этомъ Скачковъ, не желая показать себя отвергающимъ авторитетъ Алексѣя Комнина, вслѣдъ за предшествующими словами высказываетъ, что хотя установленіе Комнина совершать браки съ благословенія священника имѣетъ полную силу, хотя не исполняющіе этого повелѣнія должны подвергнуться осужденію Церкви, но впрочемъ оное наказаніе относится токмо къ тѣмъ, которые самовольно презираютъ и гнушаются священнослужителей, а не къ тѣмъ, которые съ любовью желаютъ имѣть единоголаснаго священника.

«Итакъ окончивавше второе (возраженіе), приступаемъ разсмотрѣти третіе. «Изъ исторіи русской церкви видно, говорятъ едосѣвцы, что безсвященнословные браки издавна именовались незаконными и наказывались

эпитиміями, въ доказательство чего приводятъ слова кіевскаго митрополита Іоанна. «Иже кромѣ божественныя Церкви, кромѣ благословенія творяще свадьбу тайно, иже ея тако поймають, яко же блуднымъ, ипитимія даютъ».

Возражатель, отвѣчаетъ Скачковъ, едва ли самъ знаетъ разумъ словесъ Іоанновыхъ; ибо оное изрѣченіе нынѣ дѣйствующимъ бракамъ противоположаться не можетъ: здѣсь онъ глаголетъ не просто о совокупляющихся, но о совокупляющихся тайно. Придавъ такой смыслъ словамъ митрополита Іоанна, Скачковъ продолжаетъ: «тайное же бракосовокупленіе, хоть и съ іерейскимъ благословеніемъ бываемо, есть незаконно; и потому оно не токмо не освобождаетъ сочетавшихся отъ наименованія блудниковъ, но и священника, дерзнувшаго сіе сотворити, подвергаетъ наказанію. А къ тому тайное сопряженіе тогда иначе быть не могло, какъ токмо по причинѣ каковыхъ ни есть законныхъ препятствій, какъ-то: или безъ родительскаго благословенія, или безъ воли владычествующихъ. Нынѣ же у правомудрствующихъ христіанъ дѣйствуемы браки бывають не тайно, но явно и съ родительскимъ благословеніемъ; посему и не могутъ подпадать подъ наказаніе блудниковъ, но суть законны и правильны». Затѣмъ Скачковъ показываетъ признаки, по которымъ должно узнавать незаконное бракосопряженіе. «Незаконные браки бывають тамъ, гдѣ по подобію, бывшихъ во время Ноя, исполиновъ, содѣваются оныя, не въ вѣчно нерасторжимое житіе, но токмо въ удовольствіе своего сладострастія, — гдѣ хотящій жениться тайно согласившеся уходить, не извѣстивши никому о семъ, гдѣ, наконецъ, по презрѣнію отбѣгаютъ православныхъ

іереевъ». Перечисливъ эти признаки незаконнаго брака, Скачковъ тѣмъ самымъ угоряетъ еедосѣвцевъ, которые равнодушнѣ смотрять на браки новооженовъ, на браки, не имѣющіе даже никакого гражданскаго значенія, составляемые только на время, безъ согласія родителей и тайнымъ образомъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что еедосѣвцы, сами невѣрные св. преданію, не могли доказать покровцамъ, даже свидѣтельствами исторіи церкви, незаконности «безсвященнословнаго брака», — и что покровцы, при самомъ же началѣ споровъ, имѣли на своей сторонѣ перевѣсъ.

Не менѣе успѣшно защищалъ предъ еедосѣвцами семейную жизнь другой настоятель Покровской часовни, московскій купецъ Заяцевскій.

Еедосѣвцы окончателно отдѣлились отъ покровцевъ за принятіе послѣднимъ брака. Они даже признали за совершенную невозможность когда-либо примириться съ ними. Заяцевскій смущается этимъ явленіемъ; онъ вполне убѣжденъ, что главный и существенный признакъ истинной и православной Церкви есть совершеннѣйшій миръ и полная любовь между ея членами. Поэтому ему крайне прискорбно видѣть раздоръ между Преображенскимъ кладбищемъ и Покровской часовней, и онъ, не теряя надежды на примиреніе, рѣшается писать увѣщательное слово къ еедосѣвцамъ, особенно къ начальствующимъ изъ нихъ, которые «по обязанности своей должности и изъ любви къ ближнему необходимо должны единъ ко единому собраться и благимъ совѣтомъ рѣшить, что есть ради всѣхъ вообще и каждаго особенно полезное и вредное», — т. е. дѣвство ли, признаваемое еедосѣвцами,

или бракъ, допускаемый поморцами. Предполагая, что «зѣло возможно находящееся о законномъ бракѣ сомнѣніе рѣшить, ибо нынѣ есть время благоприятное, нынѣ есть время свободы, а не принужденія и тѣсноты, нынѣ слово Божіе не вяжется», Заяцевскій съ этою цѣлію старается убѣдить Ѳедосѣевцевъ, что бракъ допустить безпоповцу возможно и даже необходимо. Надо замѣтить, что главная и почти единственная цѣль Заяцеваго именно и состоитъ въ томъ, чтобы доказать эти два свои положенія; онъ не столько заботится убѣдить Ѳедосѣевцевъ въ законности брака Покровской часовни, сколько старается доказать имъ возможность и необходимость для раскольниковъ-безпоповцевъ брачной жизни. Правда, и Заяцевскій, подобно Скачкову, приводитъ нѣсколько свидѣтельствъ, особенно изъ большаго катихизиса, нато, что бракъ Покровской часовни есть таинство и совершенно законенъ, но все это онъ признаетъ не безусловно. Очень замѣчательно, что во многихъ мѣстахъ своего сочиненія, вслѣдъ за доказательствами законности брака покровцевъ, Заяцевскій дѣлаетъ уступки, высказываетъ сомнѣніе въ законности этого брака. Для него во всякомъ случаѣ идеальнаго, совершенно законнаго брака есть бракъ, совершаемый съ благословеніемъ священника, поэтому-то у него встрѣчаются нерѣдко такого рода выраженія: «содѣйствіе законнаго брака, бываемое безъ священнослуженія, прощенія достойно».

Нельзя сказать, что Заяцевскій поступилъ необдуманно, высказавъ предъ Ѳедосѣевцами почти прямое признаніе несовершенства «безсвященнословнаго» брака. Онъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло; онъ очень ясно понималъ,

что безпоповцы Преображенскаго кладбища не признаютъ брака не столько изъ боязни потерять спасеніе, сколько съ тою цѣлію, чтобы, и поселившись въ Москвѣ, удержать за собой главный и существенный признакъ, характеризующій безпоповца — аскетизмъ. Поэтому-то Заяцевскій защищаетъ и то положеніе, что безпоповцу возможно и прощительно вступить въ бракъ; главнымъ же образомъ доказываетъ, что брачная жизнь, особенно при извѣстныхъ условіяхъ, совершенно необходима.

Въ доказательство перваго своего положенія онъ проводитъ такого рода мысль: безпоповцы позволяютъ самимъ себѣ, помимо іерархіи, совершать крещеніе, покаяніе и т. д. и, допуская все это, они не теряютъ надежды получить спасеніе, слѣдовательно, почему же имъ не допускать въ своемъ обществѣ совершенія браковъ; слѣдовательно Ѳедосѣевцы несправедливо поступили, отдѣляясь отъ покровцевъ, когда послѣдніе признали семейную жизнь. «Неимѣнія ради единомысленнаго служителя, говорить онъ, мы можемъ лишиться св. крещенія, покаянія и по смерти поминовенія, не говоря уже о пѣніи службы, вечерни и утрени, часовъ и прочаго, что запрещено есть гангрскаго собора правиломъ 6-мъ, да и современникомъ св. апостоловъ Игнатіемъ Богоносцемъ крестити и прочаго содѣвати не повелѣно есть, однако все сіе по нуждѣ неимѣнія (а не по презрѣнію духовныхъ лицъ) возможно простолюдиномъ творити: токмо едино брачное сочетаніе безсвященнословное нѣкимъ кажется странно и опасно; но прибѣгнемъ ко всесильному нашему архіерею, прошедшему небеса Христу, и на Него возложимъ все наше упованіе; и аще грѣхи, творимые по нуждѣ, законы

прощаютъ, то кольми паче содѣйствіе законнаго брака прощенія достойно: ибо оно по нуждѣ, а не по презрѣнію священнослужителей дѣйствуемо бываетъ».

Не желая долго останавливаться на безплодныхъ доказательствахъ святости и законности брака Покровской часовни, Заяцевскій главнымъ образомъ старается развить въ своемъ увѣщательномъ посланіи ту мысль, что дѣвственный путь открытъ не для многихъ, что даже и избранные нерѣдко падаютъ на этомъ пути, а слѣдовательно безразсудно требовать отъ всѣхъ дѣвственной жизни и совершенно избѣгать брака.

«Похоть плоти пребываетъ и будетъ пребывать вѣчно, и она вложена отъ Всемогущаго Творца не ради того, чтобы вышесильною неволею удерживать всѣхъ въ безупружномъ и дѣвственномъ житіи, но ради того, чтобы чрезъ оное умножался родъ человѣческій». Законы божественные не измѣняются въ природѣ, въ доказательство чего Заяцевскій обращаетъ вниманіе едосѣвцевъ на окружающій міръ животныхъ, гдѣ преемство родовъ чрезъ подобіе соблюдается: конь коня преемникомъ творить, левъ — льва, орелъ — орла, и никакое время не растлѣваетъ животныхъ свойства, но яко бы нынѣ устроено было, естество всегда купно со временемъ течетъ. И аще безсловесныя животныя, по Божію благословенію, продолжаютъ и продолжать будутъ бытіе свое, вся бо на земли и въ водахъ пребывающая и по воздуху летающая рождаются и рождаютъ, живутъ и умираютъ, оставляя по себѣ своего рода наслѣдіе, — како же человекъ, созданный по образу и по подобію Божію, а притомъ и честною Его кровію очищенный, такового Божія

благословенія лишится и будетъ претерпѣвать отъ воспаленія плоти великую нужду и неволею носить не всѣмъ удобоносимое бремя»? Выходя изъ этого общаго положенія, Заяцевскій увѣряетъ едосѣвцевъ, что невозможно перемѣнить естества уставы и умноженіе человѣческаго рода уничтожить и упразднить, что не могутъ же едосѣвцы весь міръ обязать къ непремѣнному дѣвству, а потому необходимо должно допустить бракъ; и обязательное и безусловное дѣвство непремѣнно должно ихъ привести къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ.

«Исторія представляетъ намъ множество примѣровъ того, что если дѣвственная жизнь становилась необходимою для цѣлаго общества или сословія людей, то отъ сего происходили страшные пороки и нечестія. Когда Григорій, св. папа римскій, прозываемый Двоесловъ, издалъ повелѣніе, чтобы священнослужителямъ не имѣть женъ, что они видимо и исполняли, а тайно дѣлали различныя грѣхонаденія, и когда случилось святѣйшему папѣ приказать въ своемъ прудѣ ловить рыбы, тогда рыболовцы наловили 6000 младенческихъ головъ, что привело папу и всѣхъ въ великій ужасъ и удивленіе. Однако узнали, что сіи младенцы рождены отъ тайныхъ священно-служительскихъ любодѣяній. Но какъ папа былъ причиною возбраненія женитьбы, то онъ, принявъ въ томъ вину, приноситъ въ томъ покаяніе *). Здѣ должно возрѣть на таковое св. Григорія повелѣніе, хотя онъ и святъ и великъ угодинокъ Божій, а притомъ

*) Къ сожалѣнію, Заяцевскій не указываетъ, гдѣ онъ заимствовалъ этотъ фактъ.

премудростию и разумомъ украшенъ изобильно, и св. Писанія испытатель и зналъ о семъ, что Христось своимъ пречистыми устами рекль: не вси вмѣщаютъ словеси сего и пр., но не могъ вникнуть въ сіе, что неударжимое удержать невозможно, а паче вредно.

«Жизнь чисто дѣвственная можетъ быть допускаема, какъ чрезвычайно рѣдкое явленіе. Сила похоти есть столь велика, что можетъ противъ оныя вооружиться и твердо встать развѣ той, кому особенно вліяна есть благодать Божія за великіе подвиги и труды и многія добродѣтели. Мы видимъ, что даже и избранные Божіи, которые въ удаленіи отъ міра пребывали и чудотворенія даръ имѣли, мужіе знаменитѣйшіе и въ старость лѣтъ пришедшіе, плѣнены были похотию естества и съ неударжимымъ стремленіемъ впали въ пороки страстей». Въ доказательство чего Заяцевскій, приведя множество примѣровъ изъ жизни св. отцевъ, говоритъ: «и аще столь великіе мужи, удаляющіися отъ міра, живущіе въ пустыняхъ, ядущіе простую и прискорбную пищу, и водою свою жажду утоляющіе, спящіе на голой землѣ, а посему и одежды худыя носящіе, ниспадали въ стремнину плотскихъ страстей, то едосѣвцамъ, которые не удаляются отъ міра, а на противъ всеми возможными средствами стараются пріобрѣсти богатство, не слѣдовало бы возбранять законно женитися. Дѣвственная жизнь для людей живущихъ въ мірѣ совершенно невозможна, особенно же для тѣхъ, кои жизнь свою препровождаютъ не въ отдаленіи отъ міра, но внутри его, яко посредѣ много волновательнаго моря, гдѣ пространныя горы возвышаютъ мысли, прекрасныя и свѣтлыя покои увеселяютъ очи, многоцѣнная трапеза

и различныя напитки услаждаютъ вкусъ, мягкія постели упокояютъ тѣло, красныя одежды привлекаютъ зрѣніе прочихъ, частые разговоры, близкія сношенія съ различнымъ поломъ, сѣданія и ласкательныя другъ къ другу помаванія умножаютъ веселости и прочее, — здѣ сомнительно есть дѣло — непорочно въ души и тѣлеси соблюсти свое дѣвство. Но ежели можетъ огонь со льномъ единокупно летати, или порохъ на угліи ввергнуть быти и не горѣти, то и тогда едвали можно живущему посреди дѣвъ и женъ, младостию цвѣтущихъ и свѣтоблистательными одеждами упещренныхъ, соблюсти себя чиста». Представивъ такую обстановку жизни членовъ богатаго Преображенскаго кладбища и доказавъ нагляднымъ образомъ, какъ при такомъ положеніи безразумно требованіе безусловнаго дѣвства, Заяцевскій снова убѣждаетъ едосѣвцевъ къ вступленію въ честный бракъ, дабы продолжился родъ человѣческій и число избранныхъ въ царствіе небесное увеличилось. Въ противномъ случаѣ, ежели будетъ возбранено законное бракосочетаніе, Заяцевскій предсказываетъ крайнее развращеніе едосѣвцевъ: «могутъ произойти великія сквернодѣянія, откроются мерзостныя и гнусныя пороки и произрастетъ различное человѣческаго рода истребленіе, умножится всякое беззаконіе не меньше Содомы и Гоморы. Ибо ежели человѣкъ въпадаетъ въ безчестныя и беззаконныя сквернодѣянія и гнусныя пороки, то егда обрящетъ гдѣ согласное себѣ лице, способное мѣсто и удобный случай, тогда неударжимо, аки конь свирѣпый, устремляется ко исполненію своего мерзостнаго желанія, не разбирая времени, не разсуждая праздника и поста. И ежели отъ такового за-

зорнаго дѣянiя зачнется и родится младенецъ, то отецъ и мать, яко о чуждо рожденномъ, не будутъ стараться о его соблюденiи здравiя, о воспитанiи и наученiи христіанскаго закона и гражданскаго честнаго жительствова и поведенiя. Но что жъкъ сему можетъ привести? Не иное что, какъ токмо превосходящее многихъ людей силы отъ законнаго брака удержанiе. Того ради лучше не внимать незаконнымъ и отвращати очи разума и придерживаться тѣхъ, кои правомудро разсуждаютъ о законномъ бракѣ, не боясь страха, идѣже нѣсть его».

Свое сочиненiе Заяцевскiй кончаетъ стихотворнымъ воззванiемъ къ читателю:

Прилежно ли читаль, любезный благодѣтель!
Узналь ли, что творить премудрый Богъ, Содѣтель?
Онъ тварь сію произвелъ, чтобъ славиться Ему,
Уставомъ тѣмъ, тебѣ къ концу бы своему.
Всегда бы тамъ блюла Его установленье
Какое въ существѣ ей далъ опредѣленье:
Какъ множиться, расти, всегда такъ пребывать
И вида своего никакъ не измѣнять,
Онъ создалъ выше всѣхъ словесна челоуѣка,
И тварь всю покорилъ владѣть ему до вѣка.
Онъ мужа и жену на свѣтъ сей произвелъ,
И жизни ихъ конецъ поставилъ имъ предѣлъ,
И бракъ опредѣлилъ, чтобъ людямъ умножаться
И самымъ токмо симъ во вѣки продолжаться.
Хотя и честенъ бракъ, но ниже дѣвства есть,
Не можетъ съ дѣвствомъ онъ имѣть такую жъ честь.
Прекрасно дѣвство есть, кто чисто соблюдаетъ,
И всѣ пороки прочь далече прогоняетъ.
Потщимся соблюдать, что можемъ мы вмѣщать
И тѣмъ Создателя усердно прославлять,
Къ сему обязаны вси вѣрнии челоуѣки
Усердно возглашать ему аминь вѣвѣки *).

*) См. рук. Публ. Библ. № 27.

Изъ сочиненiй Скачкова и Заяцевскаго мы уже видѣли, какой взглядъ, какія понятiя имѣетъ Покровская часовня о бракѣ. Хотя различныя возраженiя, представляемыя еодосѣвцами относительно этого предмета, и поколебали на нѣсколько увѣренность покровцевъ въ несомнѣнной законности защищаемаго ими брака, — можетъ быть вслѣдъ за Заяцевскимъ и другіе повторяли его мысль «безсвященнословный не болѣе какъ извинителенъ, прощенiя достоинъ»; — но, не смотря на это, покровцы, выходя изъ извѣстныхъ убѣжденiй, имѣли на столько силы, что могли защитить, довести до конца свои положенiя. Притомъ они не только въ теорiи, но и на самомъ дѣлѣ остались вѣрными брачной жизни *). Но на какомъ же основанiи еодосѣвцы проповѣдуютъ необходимость своего всеобщаго безусловнаго дѣвства? Какъ они понимаютъ его? Нагонецъ на сколько сами себѣ вѣрны эти «чистiи дѣвственники»?

II.

Обращаемся къ полемическимъ сочиненiямъ наставниковъ Покровской часовни, писаннымъ ими въ опроверженiе «еодосѣвскаго дѣвства,» къ сочиненiямъ Зенкова, Анисимова и Сергѣева.

Изъ сочиненiй Ѳеодора Аникіева Зенкова мы имѣемъ

*) См. Исторію Покровской часовни въ *Прав. Обзорнiи* 1863 г. №№ 6 и 7.

два его письма: одно, писанное въ 1779 году къ Василью Емельянову, а другое къ Алексѣю Ковылину *).

Возникшіе споры о бракѣ между Преображенскимъ кладбищемъ и Покровской часовней побудили Зенкова обратиться серьезное вниманіе на это явленіе, — на отношеніе Покровской часовни и Преображенскаго кладбища. Онъ видѣлъ, какъ эти безпоповщинскія секты далеко разошлись въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, какъ все сильнѣе и сильнѣе разгоралась между ними вражда, и потому Зенковъ естественно пришелъ къ тому вопросу: гдѣ нынѣ правда пребываетъ? И вотъ онъ обращается къ исторіи своей секты, вѣроятно съ намѣреніемъ взять ученіе своихъ отцевъ за критерій истины. Начиная со временъ Θεодосія Васильева, онъ пересматриваетъ сочиненія всѣхъ извѣстныхъ ему наставниковъ; но въ ихъ ученіяхъ онъ видитъ постоянное разногласіе и противорѣчіе, какъ между собою такъ и въ особенности съ Св. Писаніемъ **):

*) Рук. Пуб. Биб. отдѣленіе бракоборныхъ сочиненій № 37.

**) Вотъ какъ въ подробности Зенковъ пересчитываетъ разногласія главнѣйшихъ расколуучителей: Аще прежде бывшихъ отецъ помяну, не въ осужденіе; убо въ первоначальной польской обители настоятель Θεодосій Васильевичъ старожоновъ не разводилъ и бракъ ихъ законный емѣнялъ, и на чадородіе не возбранялъ, за что и поносимъ быше отъ поморскихъ. А первоначальніи поморскіе отцы: Даниилъ Викулычъ, Андрей и Семень Денисовы браки отъ никоніанъ по крещенію хуляху, ни во что же емѣняли, да и польскихъ христіанъ письмами увѣщевали на чистое и дѣвственное житіе. Обаче Θεодосій Васильевичъ напротивъ отписоваше и браки утверждаше: и оны отцы напротивъ уже молчаніемъ покрывали. Еще съ титлами крестъ не принимали, въ томъ и сотвори съ ними въ моленіи, и ястіи и питіи, раздѣленіе; и сіе раздѣленіе не по правиламъ съ поморскими отцы Θεодосій сотвори; въ томъ и скончался въ заточеніи въ новгородской темницѣ въ оковахъ 1711 года.

По семъ настоятель новгородскій и московскій Игнатій Трофимовичъ съ Андреемъ Денисовичемъ положили миръ до обысканія титлу на жи-

наши старики и отцы, говоритъ онъ, писали и узаконили много не отъ Писанія, много узаконили странно и различно, и вся ихъ совѣты и дѣла въ странахъ польскихъ, московскихъ, новгородскихъ, саратовскихъ, ярославскихъ и стародубскихъ слободъ разорились и злоба и нелюбовь весьма укоренились.

Не довѣряя прежнимъ раскольническимъ писателямъ, Зенковъ еще съ большимъ неудовольствіемъ отзывается о

вотворящемъ крестѣ 1727 г. и по семъ прошло время не мало, то московскіе поморцы, по скончаніи Андрея Денисовича, начали говорить еодосевомъ: долго ли вамъ будетъ съ титлами кресты имѣть; но они, не терпя обличенія, паки отдѣлились отъ поморскихъ; и пріѣхалъ Игнатій Трофимовичъ въ 1737 г. и нечаянно пріѣхалъ поморскій Данила Матвѣевичъ, да ярославскій Θεодоръ Θεодорычъ; и егда по изрѣченіи бестѣды ихъ паки положили миръ, чтобъ не отливать съ титлами крестовъ, кои у кого есть съ титлами, тѣ бы промѣнять мірскимъ, и въ томъ со смиреніемъ простился.

По семъ съ Новгорода привезъ кто-то въ Москву тетради, а въ нихъ выписано изъ книгъ Соловецкаго монастыря старца Игнатія обличеніи на тексты. А нѣкій защитникъ и толкованіе написалъ, и въ томъ было словопреніе, и паки раздѣлились съ поморскими. И пріѣхалъ Игнатій Трофимовичъ, а изъ Ярославля Θεодоръ Θεодоровичъ, и тетради долго судили, и не разсудя ярославскіе увѣхали, а Игнатій Трофимовичъ занемогъ; и осталась та ему печаль, что съ поморскими христіанами не смирился, обаче и больной поѣхалъ въ Ярославль и взялъ съ собою Илью Иваныча. И тако въ Ярославлѣ миръ положили, чтобъ Игнатія старца письма впредь не судить и письменно за руками миръ укрѣпили въ роды и роды. По семъ изъ Саратова пріѣхалъ Максимъ Васильевъ Галинъ и, пришедъ къ нѣкому христіанину, сказалъ: и я-де въ сумленіи, что-де церковь и папа заедино, а въ новоканонѣ писано: кто за пана молить Бога, того велно крестить; а тотъ христіанинъ такой далъ совѣтъ: пойди къ Ильѣ Ивановичу и рчи: надо-де собрать книжныхъ и призвать Михаила Кирилова и спросить: съ коими христіанами, съ московскими или поморскими, согласуется? Ибо тѣ за царя молятъ Бога, а мы-де въ томъ сумнительны; а егда онъ скажетъ съ поморскимъ монастыремъ, то и мы-де съ тобою сомнительны общеніе имѣть: тако и сотвориша и въ томъ неправильномъ раздѣлѣ и доднесъ закоснѣли,

современныхъ ему учителяхъ; нынѣшніе учителя сами по себѣ несогласны и слушать ихъ опасно: напимѣрь первый научилъ недоразумѣніямъ по своему мнѣнію, а по немъ второй раззорилъ его мнѣніе, — инако сталъ учить, несогласно первому; а по немъ третій раззорилъ тово ученіе, ибо вся законы сталъ преподавать не по Писанію».

И вотъ Зенковъ, этотъ раскольникъ, не уважающій расколъ, ясно видѣвшій здѣсь постоянный произволъ въ ученіяхъ частныхъ лицъ, не стѣснявшихся въ своихъ противорѣчіяхъ даже авторитетомъ Св. Писанія, — въ

въ томъ раздѣлѣ и умирають, и отъ сего неправильнаго раздѣлу выходятъ паче стали на разные толки. Первый Михаилъ Григорьевъ не захотѣлъ подѣ началомъ быти у Ильи Иваныча, но изволи самъ начальствовать и не сталъ съ нимъ общеніе имѣть за держаніе титулу на крестѣ и завелъ свое стадо и самъ лишился общенія съ другими. Сии вышеписанные старики съ Ильею Алексѣевымъ не праведно прежде поморскихъ христіанъ отлучили. Уже до 13 лѣтъ прошло съ семъ раздѣлѣ и взаимномъ отлученіи!

Старець Теокистъ собралъ свое стадо и былъ духовникъ, обаче покинулъ свое стадо, не сталъ пасти и выѣхалъ изъ Москвы. По семъ нѣсть откуда явился Степанъ Андреевъ и вступилъ въ духовенство и ѣздилъ къ Александру старцу постригаться, переименовался Варлаамомъ. Онъ такожь собралъ свое стадо, и отъ его Варлаама выросли Григорій и Алексѣй Яковлевы. И сей Варлаамъ отлучилъ отъ себя многихъ, а самъ вскорѣ умре. А стадо его само по себѣ остались и нарицаются болчужны, а отъ болчужныхъ отдѣлилися тверскія; а Гаврило Артамоновъ отклонился отъ Ильи Ивановича за старознаменское пѣніе. И о семъ раздѣлѣ да будетъ вѣдомо веъмъ христіанамъ: отъ 1766 г. отъ страны поморскія: Иванъ Алексѣевъ, да Игнатій, да Фодоръ Авикиевъ; а отъ страны московскія: Илья Ивановичъ, да Фодоръ Фодоровичъ, да Илья Алексѣевичъ въ Лазареву субботу въ домѣ Жемчужникова подписались прекратить раздѣлъ свой и до днесь святыми правилами не очисають». Вотъ какую картину раздора представляетъ Зенковъ, вкортѣ очертивъ почти всю исторію раскола. Это письмо Зенкова, какъ письмо раскольника, весьма сильно поражаетъ и унижаетъ расколъ.

настоящихъ не миролюбивыхъ отношеніяхъ между Преображенскимъ кладбищемъ и Покровской часовней рѣшился взять сторону той партіи, которая по его мнѣнію болѣе вѣрнымъ путемъ слѣдовала ученію св. преданія. И Зенковъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Преображенскаго кладбища, теперь (въ 1785 г.) перешелъ на противоположную сторону; онъ пишетъ къ Василію Емельянову: «Пречестный отецъ, Василій Емельяновичъ, ты намъ Богомъ избранный, еже утверждати насъ въ правой вѣрѣ, молюся убо тебѣ честный отче мой, аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, утвердимся любовью: зѣло бо желаю и радуюся и согласуюся служебенъ быти съ тобою во хвалу и славу благочестивыя нашея вѣры. Я къ твою союзу любовному прилѣпихся, а тѣ христіане, кои уклоняются въ развращеніе и гордость, я отъ тѣхъ нынѣ сталъ удаляться». Онъ удаляется отъ нихъ потому, что они божественное писаніе криво сказуютъ, прехитряюще его къ своему разуму, и это противорѣчіе Св. Писанію Преображенскаго кладбища Зенковъ особенно ясно созналъ тогда, когда Ковылинъ отвергъ браки Покровской часовни, браки, по мнѣнію Зенкова, достаточно утвержденные и Св. Писаніемъ и св. преданіемъ, — когда Ковылинъ съ особенной настойчивостью сталъ проповѣдывать всеобщее дѣвство. Дѣйствительно, человѣкъ сколько-нибудь понимающій, сколько-нибудь дорожившій религіознымъ убѣжденіемъ, ставъ въ близкія отношенія къ Преображенскому кладбищу, непременно находилъ здѣсь для себя много отталкивающаго. Ковылинъ только по виѣшности хотѣлъ казаться человѣкомъ религіознымъ, но на самомъ дѣлѣ для него не существовало ни-

какого священнаго авторитета; онъ всегда дѣйствовалъ единственно по своимъ личнымъ интересамъ. Зенковъ въ письмѣ своемъ къ Емельянову между прочимъ передаетъ слѣдующій фактъ, весьма характеризующій Ковылина. «Иванъ Алексѣевъ сказалъ нѣкому новожону: я отъ васъ никакого книжнаго свидѣтельства не приѣмлю; и не представляйте мнѣ ни седьми вселенскихъ соборовъ, ни девяти помѣстныхъ, ни апостольскихъ правилъ, — или въ конецъ вамъ сказать: еще бы и Самъ Христосъ съ небеси сошелъ со архангелы и велѣлъ бы мнѣ: Илья! прими-де новожоновъ въ согласіе къ себѣ! А я бы Ему сказалъ: не послушаю тебя, Христе; рече-де мнѣ такъ отецъ мой Илья Ивановъ при смерти своей и приказалъ: какъ-дети научень, въ томъ и стой, рече: еще онъ будетъ во адѣ, то и я съ нимъ, еще во царствіи, то и я съ нимъ; того ради я ученія его не отстану и не измѣню. Еще скажу вамъ: еще вы будете и чудеса творить, или мертвыхъ воскрешать, не приму васъ въ общеніе себѣ *)». Еще мнѣ и хороши люди присужаютъ; какъ-де я былъ въ Питерѣ, случилось мнѣ быть у генерала Потемкина, и онъ мнѣ говоритъ: Илья, какъ-де ты научень, въ томъ и стой, а своего толку не заводи, и я-де ему за то въ ноги поклонился: благодарствую, батюшка, на добромъ твоёмъ совѣтѣ. За преданіе отца своего и совѣта генерала Потемкина раззорилъ запо-вѣдь!» Справедливо восклицаетъ, разсказавъ этотъ случай, Зенковъ. Зенковъ, признавая Ковылина совершен-

*) А между тѣмъ, какъ увидимъ, Ковылинъ въ скоромъ времени сталъ принимать въ свое общество новожоновъ.

нымъ безбожникомъ, не безлогично однако поступилъ, когда въ письмѣ къ В. Емельянову, перечисляя различные пункты ученія Преображенскаго кладбища, противопоставляетъ каждому изъ нихъ свидѣтельство Св. Писанія, потому что это письмо имѣло не столько личное, сколько общее назначеніе. Изъ письма Зенкова мы видимъ, что едосѣвцы признаютъ «одно точію дѣвство, и по нуждѣ и неволею повелѣваютъ даръ дѣвства сохранять, 2) говорятъ, что лучше-де нынѣ блудити, нежели брачитися, 3) и въ тоже время нѣкоторые изъ нихъ, не желая въ опредѣленіе брака вступить явно, дѣвицъ и вдовицъ въ стряпухи поймаютъ и тайное сквернодѣяніе творятъ, а ребяты всюду подкидываютъ; 4) бабъ отъ мужей отлучаютъ, а новожоновъ безъ разводу не принимаютъ, а по разводѣ сорокодневный постъ съ поклонами назначаютъ». Подобныя постановленія едосѣвцевъ вытекаютъ изъ слѣдующихъ странныхъ основаній: считая вѣнчаніе въ православной церкви оскверненіемъ, а законное сожитіе дѣломъ невозможнымъ, по неимѣнію священства, они предпочитаютъ блудъ браку, присовокупляя, что блудъ, какъ грѣхъ тайный, тайно и судится и скорѣе прощается — тѣмъ больше, что самая тайна, облекающая блудъ, производя угрызеніе совѣсти, уже сама по себѣ есть достаточное наказаніе грѣшнику, особенно если ему налагаютъ эпитиміи, на которыя такъ всегда щедры безпоповщинскіе наставники. Къ этому едосѣвцы присовокупляютъ еще большую нечелѣчность: Дѣва (т. е. Богородица) — отъ Бога, а жена (т. е. Ева согрѣшившая) — отъ діавола; слѣдовательно (!)

Господь снисходительнѣе смотритъ на согрѣшеніе съ дѣвою — блудъ, нежели съ женою — бракъ.

Отвергнувъ каждый изъ этихъ отдѣльныхъ пунктовъ свидѣтельствами изъ Св. Писанія и особенно изъ посланій апостола Павла, Зенковъ говоритъ: «удивляюся азъ воистину симъ людямъ, каково ожесточенно обыкновеніе имутъ! Такогого срамнаго стыда не чувствуютъ, и видяще не видятъ, и слышаще не слышатъ, яко отрѣваютъ браки и не тщатся разума правильнаго о томъ взыскати. Посему они явно противятся апостольскому преданію, и превземшеса, яко бы больше уразумѣша Павла, и возгордилися о своемъ разумѣ надъ апостольскимъ разумомъ. Павелъ бо рече: повелѣваю юнымъ вдовамъ посягати, чада рождати, домъ строити; ты же (разумѣя здѣсь Ковылина) и Павлу учитель еси; яко до четвертаго неба достигъ и во инъ восхищенъ рай, въ онъ же онъ не восхитися» *).

*) Дѣйствительно, Ковылинъ увѣрялъ своихъ приверженцевъ, что онъ восхищенъ былъ въ рай. Вотъ какъ онъ рассказываетъ свое пребываніе въ раю: (рассказъ этотъ мы заимствуемъ изъ рукописи Пуб. Библ., по отдѣленію бракорборныхъ сочиненій № 42: «Сновидѣніе, бывшее около XVIII столѣтія»). Лежащу ми на одрѣ величѣй болѣзни, бывъ яко въ восторгѣ: приде покойный сынъ мой Григорій къ храминѣ той, въ ней же возлежащу ми. И егда узрѣхъ его у дверей храмины стояща, начахъ призывать его къ себѣ, напоминая ему о воспитаніи, объ отеческомъ попеченіи и проч., и по привѣтствію моему приде онъ ближе къ одру въ храмину: тогда началъ азъ вопрошать его: како пройде воздушныи мытарства и не бысть ли тебѣ каковаго страха по исходѣ души отъ тѣла? Тогда отвѣща ко мнѣ сынъ мой: благостію Божіею и вашими отеческими молитвами, ничто же зла пострадахъ при исхожденіи отъ тѣла и въ восхожденіи на небо. Понеже при смерти моеи молихъ Владыку Христа, дабы мнѣ не видѣти страшныхъ лицъ мытарей воздушныхъ. И по оному моему прошенію Богъ сіе содѣла, — приведеса

Въ концѣ своего письма Зенковъ убѣждаетъ возвратиться едосѣвцевъ на путь истины, въ противномъ случаѣ, «аще не покоритися, говоритъ онъ, мы о васъ, яко не изцѣльныхъ прослезимъ».

безбѣдно въ уготованное мнѣ отъ Владыки моего мѣсто. Еще спросилъ я у него, знаешь ли ты: гдѣ нынѣ обрѣтается батюшка нашъ, Илья Ивановичъ, и въ какомъ мѣстѣ пребываетъ? Онъ же рече ко мнѣ: батюшка-де, Илья Ивановичъ, пребываетъ въ прекрасномъ нѣкоемъ мѣстѣ, съ нимъ же де и я жителство имѣю. И я просилъ сына своего, чтобы довелъ онъ меня къ Ильѣ Ивановичу и повелѣ мнѣ идти за собою. И приидохомъ на нѣкое прекрасное мѣсто, и узрѣхъ азъ домъ чудный и весьма великолѣпный: неизрѣченныя красоты внутрюду и внѣуду исполненъ. Въ томъ дому сидитъ Илья Ивановичъ, нашъ батюшко, въ одеждѣ апостольской; на главѣ его вѣнецъ прекрасный отъ различныхъ цвѣтовъ райскихъ и сплетенный весьма дивно. На ногахъ сандаля апостольская. Сидитъ на стулѣ, стулъ простой безъ кресель. Украшенъ онъ власами бѣлыми, яко волна чиста, или серебро искушено; около его 300 младенцевъ, въ которомъ числѣ и сынъ мой Григорій, и они въ апостольскихъ одеждахъ и въ сандаляхъ, токмо на главахъ ихъ вѣнцовъ не имѣется. А Григорій, сынъ мой, всѣхъ оныхъ около его младенцевъ возрастомъ посвершенѣе. И я, приступивше къ Ильѣ Ивановичу, спросилъ его: что суть младенцы сіи? Онъ же рече ко мнѣ: Богъ младенцевъ сихъ даровалъ мнѣ на утѣшеніе, за оказанное мною смиреніе и терпѣніе въ мѣрѣ. Илья Ивановичъ заставилъ младенцевъ оныхъ пропѣть стихъ церковный, — сіе бо дѣло отроковъ тѣхъ, — и запѣли они стихъ: днесъ благодать Св. Духа насъ собра, по старонарѣчному пѣнію, и пѣли такъ дивно и прекрасно, что пѣніе ихъ превосходитъ человѣческое. И я спросилъ Илью Иваныча: какъ же они не учившися, а поютъ такъ изрядно? И онъ сказалъ мнѣ: благодать Св. Духа научила ихъ пѣти прекрасно. Тогда сталъ я Ильѣ Ивановичу говорить со слезами: на что ты, батюшка, меня единого оставилъ въ бѣдственной временной жизни, а съ собою не взялъ? И онъ на то сказалъ мнѣ: потерпи Бога ради, и я самъ по терпѣнію воспріялъ отъ Бога такое утѣшеніе, какое ты нынѣ видишь; будешь и ты на семь мѣствъ, если претерпишь мужественно и внѣшняя и внутренняя нападенія. По сихъ далъ мнѣ Илья Ивановичъ три виноградины бѣлыя отъ плодовъ рая того, и положилъ я ихъ запазуху. Еще спросилъ я Илью Иваныча о прочихъ настоятеляхъ: о Максимѣ Степанычѣ, и Никитѣ Васильевичѣ, и Семенѣ Савельичѣ, гдѣ они обрѣтаются? И онъ

Подобнаго рода воззванія и убѣжденія со стороны Покровской часовни не производили на Ковылина желаемаго дѣйствія; онъ до конца своей жизни не переставалъ проповѣдывать безбрачную жизнь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя представить и того, чтобы тѣ же самыя убѣжденія покровцевъ не имѣли никакого вліянія, хотя на нѣкото-

мнѣ сказалъ, что въ мѣстахъ хорошихъ, и обрѣтаются неподалеку отъ него. И послалъ сына моего Григорія довести меня. И пришедше мы съ нимъ къ Максиму Степанычу и прочимъ нашимъ настоятелямъ, и видѣхъ на нихъ одежды апостольскія и сандаля, токмо безъ вѣнцовъ; а на мѣстахъ прекрасныхъ пребываютъ, и около ихъ младенцевъ не видѣхъ, какъ при Ильѣ Ивановичѣ. Но токмо около Никиты Васильевича (онъ былъ сильный бракоробецъ) младенцевъ до пяти видѣхъ служащихъ, да и прочіе христіане, которые въ моровое повѣтріе представились (т. е. тѣ, которые тогда пожертвовали свое имущество Преображенскому кладбищу) въ покойныхъ и прекрасныхъ мѣстахъ обитаютъ по мѣрѣ своихъ добродѣтелей, отъ которыхъ многихъ видѣхъ и познахъ. Съ Матвеемъ Ѳеодоровичемъ и женою его, также съ Семеномъ Ивановичемъ, съ Григоріемъ Леонтичемъ и проч. разговаривалъ: сказывалъ имъ со слезами о обстоящихъ мне нуждахъ и печаляхъ. Да и новоженъ (видѣлъ), кои въ моровой язвѣ покаались (т. е. покаались въ женитбѣ и развелись съ женами), всѣ тѣ спасены отъ муки, а кои не покаались, тѣ и не спаслись. Изъ новоженовъ видѣхъ Архипа Демьяновича, да Григорія Леонтьевича сына, который сказалъ, что за отеческія молитвы помилованъ отъ муки. А жена его за то избавлена отъ муки, что послѣ крещенія обѣщалась не совокупляться съ мужемъ своимъ. А Дарья Матвеевна, моя жена, избавлена отъ муки за усердное мое помяновеніе, что поминалъ ее часто».

Ковылинъ увѣрялъ, что это видѣніе ему было не во снѣ, а наяву, и въ доказательство онъ ссылался на своего послушника Дороея Яковлева: «Спросите Дороеюшки, говорилъ онъ едосѣвцамъ, и онъ вамъ скажетъ, какъ я щупалъ руками въ пазухѣ у себя и на постелѣ и около изголовья искалъ виноградины бѣлыя данныя мнѣ въ раю Ильѣй Ивановичемъ, и еще Дороей спросилъ меня: батюшка, что ты ищешь? Я ему и говорю: ищу виноградины, данныя мнѣ Ильѣй Ивановичемъ, батюшкой». Ковылинъ рассказывалъ свое видѣніе и очень многіе записывали его слово въ слово.

рыхъ членовъ Преображенскаго кладбища, потому что не даромъ Ковылинъ въ 1785 году послалъ письмо покровцамъ, гдѣ онъ, по видимому, желаетъ оправдать образъ своего дѣйствія. Онъ старается убѣдить Покровскую часовню, что Преображенское кладбище, дозволяя жить вмѣстѣ молодцамъ и дѣвицамъ, поступаетъ нисколько не противорѣча божественнымъ правиламъ; въ доказательство чего ссылается на «древле бывшихъ дѣвицъ и вдовицъ», которые хотя жили въ мѣрѣ, но проводили жизнь чистую, дѣвственную, «и у нѣкія блаженныя дѣвицы, говоритъ онъ, самъ Афанасій великій крѣпшея». Далѣе Ковылинъ убѣждаетъ, что Преображенское кладбище по самой необходимости попускаетъ жить вмѣстѣ молодцамъ и дѣвицамъ для произведенія мастерствъ, а не для незаконной жизни, — попускаетъ имъ жить вмѣстѣ «кромѣ всякаго презорства».

Въ опроверженіе этихъ двухъ пунктовъ, представленныхъ Ковылинымъ въ защищеніе Преображенскаго кладбища, Зенковъ въ томъ же 1785 г. пишетъ къ нему письмо по слѣдующему поводу. Неизвѣстно, для какихъ переговоровъ Ковылинъ послалъ одного едосѣвца къ покровцамъ. Какъ и при всякомъ столкновеніи едосѣвцевъ съ покровцами, теперь зашелъ между ними разговоръ о бракѣ. На различные доводы покровцевъ посоль-едосѣвецъ по разглагольствіи сказалъ цѣлому собранію: «лучше нынѣ имѣть сто блудницъ, нежели брачитися». Покровцы описали Ковылину этотъ случай, жаловались на такую безнравственность и свое письмо отослали къ нему съ этимъ же посломъ. Когда оно подано было Ковылину, — «онъ за ужиномъ, прочитавши про себя, изодралъ, а онаго по-

сланнаго старика за такія его растлѣнныя слова ничѣмъ не наказаль, ни словомъ, ни дѣломъ, и на прощеніе не приводиль, — молчаніемъ прикрыль». Зенковъ, называя Ковылина «потатчикомъ блудной свободы», въ письмѣ къ нему въ короткихъ словахъ доказываетъ во первыхъ то, что нынѣшнія дѣвственницы Преображенскаго кладбища не могутъ быть никакимъ образомъ сравниваемы съ прежними дѣвицами, дѣвство которыхъ было свободное и произвольное, а главнымъ образомъ — чистое и святое. «Размотри убо Илья, пишетъ ему Зенковъ, здравствующимъ умомъ: оныя св. дѣвицы своимъ благимъ изволеніемъ дѣвство сохраняли Бога ради; еще и въ міру были, а фабрикъ коломенковыхъ и кумашныхъ не заводили. Къ тому же и рука была освященная, и было кому заключать бракъ жениха и невѣсты по чину церковному — вѣнчаніемъ; а тѣ дѣвицы сами не восхотѣша своимъ добрымъ произволеніемъ замужь идти. Нынѣшнія же дѣвицы ремесленныя не такимъ произволомъ живутъ, чтобъ Бога ради хранить дѣвство, но подъ неволю отцовъ и матерей пребываютъ и не даютъ имъ (т.е. отцы и матери) своего благословенія къ законному браку. Нынѣшнія дѣвицы свободѣ блудной отдаются по вашей одобрительности, обаче подъ прикрытіемъ вида дѣвческаго; а все то дѣлается по приказу вашихъ своерасудныхъ духовныхъ отцовъ, и потому непристойно мѣшать св. дѣвицъ съ нынѣшними ремесленными, ибо отстоятъ одинъ отъ другихъ, елико небо отъ земли».

Еще болѣе несообразности съ Св. Писаніемъ и здравымъ разумомъ Зенковъ видитъ въ томъ, что Ковылинъ дозволяетъ жить вмѣстѣ молодцамъ и дѣвицамъ для про-

изведенія мастерствъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ думаетъ, что въ этомъ случаѣ можно избѣгать всякаго презорства. «Не тако Ковылинъ, не тако! отвѣчаетъ ему на это Зенковъ: сіе твое развращенное человѣческое преданіе, еже дѣвственнику съ дѣвицами быти; зри убо, что глаголетъ Св. Писаніе въ книгѣ Никоновой: хотящій дѣйствовати, аще скудни ради потребъ, бесѣдовати съ женами понуждаются: да изволятъ гладомъ паче умерети, нежели отъ женъ питатися. И аще приемиши во свидѣтельство правило вселенскаго собора: яко аще бы и мірстїи чловѣцы суть, и живутъ въ дому своемъ съ чужими женами, да отлучены будутъ; еще зри о семъ правило 3-е перваго вселенскаго собора, еще же подобно правило 87-е, Вас. Великаго. Видиши ли свидѣтельство вселенскихъ соборовъ и св. богоносныхъ отецъ запрещеніе и отлученіе всякому чину и простому народу живущимъ въ одномъ дому съ чужими женами! Ты же столь смѣло свое преданіе написалъ, еже жити мужемъ съ чужими женами, яко бы болѣе св. отцовъ и соборовъ разумѣя, и предалъ то, чего они не предали». Но Зенковъ, предлагая подобнаго рода опроверженія, ясно сознавалъ, что Ковылинъ св. отецъ правиламъ не повинуется или не радя, или не вѣруя имъ, поэтому онъ старается на него подѣйствовать своими простыми разсужденіями.

«Легчае, говоритъ онъ, со діаволомъ часто срътатися, нежели съ добродичными женами; преложно бо есть естество человѣческое и удобно на зло прелагается посему. прелюбодѣянїе есть по стиху и великое прелюбодѣйство, еже со женами жительствовати», и эту мысль Зенковъ изъясняетъ слѣдующими сравненіями и примѣрами. «Вло-

живъ бо кто огонь въ нѣдра своя, ризъ своихъ не сожжетъ ли? И аще кто ходитъ на углю огненному, — не сожжетъ ли нози свои! Постави свѣщу въ сѣно, обращается онъ наконецъ къ Ковылину, и аще возможеш, рци ми, яко не можетъ сгорѣти; посему како ты допускаешъ дѣвственникамъ и дѣвицамъ въ одной храминѣ жити и пишешъ намъ, яко сіе творится кромѣ всякихъ зазоровъ? Чудо у тебѣ Илья: и сѣно сухое не горитъ, вы и на углѣхъ стоите, а нозѣ ваши не сожигаются?»

Ковылинъ сознательно и намѣренно допускалъ въ своемъ обществѣ развратъ. Онъ въ этомъ видѣлъ вѣрный путь къ безусловному господству надъ основаннымъ имъ Преображенскимъ кладбищемъ и ясно сознавалъ, что свобода ложа есть крѣпкое звѣно, соединяющее между собою тѣхъ развратниковъ, которые стекались подъ его покровительство. Такимъ образомъ, съ одной стороны, чѣмъ сильнѣе разгоралась искра разврата, брошенная имъ на Преображенское кладбище, тѣмъ онъ имѣлъ болѣе возможности своевольнѣе повелѣвать; а съ другой — подвластные ему единомысленники, тѣснѣе и тѣснѣе объединяясь между собою, дѣлались самонадѣяннѣе и заносчивѣе въ своихъ отношеніяхъ къ Покровской часовнѣ. При всемъ томъ покровцы долгое время не могли равнодушно смотрѣть на развращеніе Преображенскаго кладбища.

Изъ сочиненія Ивана Васильева Анисимова, писаннаго имъ около 1815 года, мы видимъ, что хотя негодованіе покровцевъ съ теченіемъ времени значительно увеличилось, но мысль объ исправленіи едосѣвцевъ не оставяла ихъ. И съ этою цѣлію Анисимовъ, сдѣлавшись

настоятелемъ часовни, написалъ свое сочиненіе «о раздѣленіи христіанъ», которое онъ начинаетъ такимъ образомъ: «Раздѣленіе между нами (т. е. покровцами, едосѣвцами) происходитъ не за что иное, какъ за браки, да къ сему еще отъ зависти и глупости».

Представивъ вкратцѣ нѣсколько доказательствъ на то, почему Покровская часовня пріемлетъ браки, высказавъ даже при этомъ, подобно Заяцевскому, что для совершенія таинства брака «желательно было бы имѣть священника», Анисимовъ приходитъ къ вопросу: имѣетъ ли Преображенское кладбище хотя какое-нибудь основаніе отрицать браки, имѣетъ ли оно какое-либо право принимать каждаго въ свое общество не иначе какъ съ разводомъ, — и рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно. Но чтобы яснѣе представить дѣло, Анисимовъ самъ предполагаетъ нѣкоторыя основанія, которыя могли бы извинить въ этомъ случаѣ едосѣвцевъ. Такъ онъ на время какъ бы соглашается съ ними, что безсвященнословный бракъ не имѣетъ полной силы законности, но вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, что и такого рода убѣжденіе еще не даетъ права Преображенскому кладбищу принимать всѣхъ въ свое общество непременно съ разводомъ, что кладбище въ этомъ случаѣ поступаетъ неблагоразумно и крайне несправедливо — по той простой причинѣ, что бракъ, заключенный даже въ еретической церкви, несравненно терпимѣе разврата *), который необходимо бываетъ вслѣдствіе принужденнаго дѣвства. Аще бо и тя-

*) Поэтому-то многіе безпоповцы, сторонники Покровской часовни, обращаются къ православнымъ священникамъ за вѣнчаніемъ.

жегъ грѣхъ, еже вѣнчатися у еретикъ, но любодѣяніе грѣхъ не въ примѣръ сему тягчае: ибо когда отступникомъ изложенъ чинъ пріятія и прощенія, то вольнымъ отступникомъ на два лѣта, а поневолѣ отступникомъ на 12 недѣль; любодѣю же ни чрезъ весь вѣкъ покаянія нѣсть, аще не расторгнетъ любодѣйнаго своего сожитія. По исправленіи же отступнику дается эпитимія на 7 лѣтъ, а прелюбодѣю на 15, притомъ Анисимовъ говоритъ, что и самое исправленіе отступника отъ вѣры бываетъ дѣйствительнѣе и совершеннѣе любодѣя, потому что первый не мыслить болѣе о грѣхѣ, его же сотвори, но развѣ точію воспоминаетъ на умъ, каеся о томъ Богу; любодѣй же аще и каеся, но любодѣйцы своей не отлучается». Такъ, говоритъ онъ, поступаютъ присоединившіеся къ Преображенскому кладбищу: они, надѣясь на покаяніе и принявъ разводъ, живутъ съ своими женами, и давъ обѣтъ дѣвства, держатъ у себя наложницъ, — это явное прелюбодѣйство.

Еслибы Преображенское кладбище въ силу подобныхъ убѣжденій согласилось принимать хотя нѣкоторыхъ безъ развода, то можетъ быть это скоро привело бы его къ примиренію съ Покровской часовней. Но сдѣлать подобную уступку едосѣвцы могли не иначе, какъ совершенно измѣнивъ свои понятія о дѣвствѣ. Поэтому-то Анисимовъ и рѣшился теперь не только мѣрами убѣжденій, но и силою обличеній привести едосѣвцевъ къ сознанию того, что проповѣдуемое ими дѣвство оскорбляетъ Бога и ведетъ ихъ къ неминуемой гибели.

Дѣвственная жизнь ведетъ человѣка къ совершенству, внушаетъ онъ имъ, и бываетъ угодна Богу во первыхъ

только тогда, когда человѣкъ безъ всякаго принужденія, совершенно произвольно отказывается вступить въ бракъ: но какъ скоро дѣвство становится необходимостью, въ такомъ случаѣ оно не есть добродѣтель и недостойно никакой похвалы. «Бракомъ ты не сочетался, но не въ томъ дѣвство есть, ибо аще кто имѣлъ власть въ бракосочетаніи вступить, но однако не вступаетъ, такую могу нарѣщи дѣвою. Когда же запрещеннымъ ты именуеши быти сіе дѣло, то уже добродѣтель она не по твоему произволенію бываетъ, но по нуждѣ закона». Продолжая эту мысль, Анисимовъ справедливо сравниваетъ дѣвственниковъ-едосѣвцевъ со скопцами. «Яко же скопцевъ, говоритъ онъ, въ разсужденіи дѣвства никто за сіе хвалити можетъ, яко они не женятся, тако ниже васъ; ибо что у тѣхъ по нуждѣ естества бываетъ, то у васъ — развращенной совѣсти». Скопецъ не вступаетъ въ бракъ вслѣдствіе тѣлеснаго недостатка, а «вамъ діаволь, лишивъ правильнаго разсужденія, безбрачными быти нужду положилъ. Возбраняеши женитися, сего ради мзды не принадлежитъ тебѣ, но еще осужденіе и казнь». Онъ угрожаетъ имъ казню потому, что, презирая бракъ, презирая слѣдовательно и самое естество человѣка, они тѣмъ самымъ оскорбляютъ святость и благость Творца, повелѣвшаго раститися и множитися, — они тѣмъ самымъ нарицаютъ Его злыхъ вещей Сотворителемъ». Поэтому-то нѣтъ ни одной религіи, которая бы проповѣдывала отрицаніе и презрѣніе брачной жизни, которая бы признавала дѣвство безусловной для всѣхъ необходимостью. «Къ кому убо причтемъ васъ? Къ іудеямъ ли, но не примуть сіи, яко чтутъ супружество и Божіе твореніе хва-

лять; къ намъли убо, но не восхотѣте послушати Христа чрезъ Павла глаголюща: честенъ бракъ и ложе нескверно. Остается наконецъ съ язычники тою поставити васъ, но и тѣмъ отвергнуть, яко нечестивѣйшихъ паче себѣ. Платонъ бо философъ утверждаетъ, что благой, кто сію сотворилъ вселенную и что благой ни въ чемъ злобы имѣти не можетъ; но не ужасайтесь имѣти сообщикомъ ученія своего діавола и аггеловъ его!»

Во вторыхъ, «истинная дѣва не тѣломъ тою быти должна, но и душою, аще святѣйшаго Жениха пріяти хочетъ. Ѳедосѣевское же дѣвство только во внѣшности пребываетъ, а духовныя ихъ мысли осквернены суть, и оное дѣвство не есть истинное, но слезъ и рыданія достойно!

Како убо дѣвою можетъ нарецися, нечестивыя помышления имѣя внутрь себѣ; и кое пріобрѣтеніе есть, аще по разореніи храма остается ограда? Притомъ же внутренніе и душевныя пороки необходимо оскверняютъ собою и самое тѣло: богохуленія бо и нечестивыя помышления, хотя внутрь сердца рождаются, однако не пребываютъ внутрь, но оскверняютъ, языкъ изъ устъ исходяще, и уши имъ внемлющія: нечестивыя помышления, яко смертоносный ядъ, внутрь души вверженный, паче всякаго червія погубляютъ человѣческое тѣло!» И напрасно нѣкоторые Ѳедосѣевцы, нисколько не заботясь о внутренней чистотѣ души своей, стараются только во внѣшности казаться истинными подвижниками. Лицемѣріе есть великій порокъ, оскорбляющій и ближняго и Самого Всевѣдющаго Бога, лицемѣріе ведетъ человѣка къ неминуемой гибели. Како убо дѣвою можетъ быти,

являя у себя лице блѣдное, изсохшіе члены и одѣяніе уничиженное, егда внутреннее око ея нечисто есть! Извнѣ убо славна облечена есть, внутрь же себе имѣеть всякую мерзость. И сіе бо весьма беззаконно есть, яко предъ человѣки являетъ великое благоправіе, предъ Самимъ же Создателемъ Богомъ великое неистовство творить. На мужескій полъ не терпя и воззрѣти, — на Владыку всѣхъ человѣкъ безстыдными взираетъ очесы... Безсовѣстно есть зрѣніе ихъ и мертвецомъ подобное! Виждь, обращается Анисимовъ къ читателю, како улови ихъ діаволъ въ сѣть свою, не наглою и явною ересью, но прикрытымъ благочестіемъ!»

Каковы же должны быть плоды этого вынужденнаго лицемѣрнаго Ѳедосѣевского дѣвства? Анисимовъ, сравнивая Преображенское кладбище съ Содомомъ и Гоморомъ, говоритъ, что Ѳедосѣевцы толикое производятъ скверненіе, что и рѣщи страшно. Вся задача Ѳедосѣевского дѣвства, всѣ ихъ требованія въ этомъ случаѣ, какъ видно изъ сочиненія Анисимова, ограничились въ настоящее время только однимъ отрицаніемъ брака; во избѣжаніе брачной жизни Ѳедосѣевецъ все долженъ былъ принести въ жертву, и даже религіозныя и нравственныя требованія души своей. «Хоша семерыхъ роди, только замужь не ходи, хоша туркой находись, тою не женись» — вотъ совѣты, которые нерѣдко даютъ другъ другу чистіи дѣвственники. Въ обществѣ Ѳедосѣевцевъ никто не беретъ на себя обязанности сдерживать грѣховныя наклонности другаго; напротивъ, духовники и наставники, даже отцы и матери, научаютъ блудодѣянію дѣтей своихъ: «любодѣйца любодѣянію дѣтей своихъ на-

учаетъ, говоритъ Анисимовъ, и въ жертву діаволу ихъ приготовляетъ и во дно адово посылаетъ». Развратъ на Преображенскомъ кладбищѣ увеличился до такихъ размѣровъ, что «многожды бо случается брать съ сестрою, кумъ съ кумою; многожды бо случается при молитвенныхъ домахъ, во время службы великихъ праздникъ, не точію прихожане токмо, но и сами тѣи служащіи ту сквернодѣяніе творять. А отъ таковыхъ сквернителей рождаеміи младенцы бывають бросаеми аки псища. Увы, увы! о чемъ здѣ первѣе возрыдаю: о любодѣяніи ли ихъ, или невинно истребляемыхъ отрочахъ!.. Ужаснися здѣ и ты самъ благоразумный читатель, и засвидѣтельствуй небу и земли, яко толикаго неистовства дошедше нынѣшніе старовѣры, глаголеміи чистіи: вси бо отъ мала и до стара въ любодѣяніи погрязли, овые дѣломъ, а другіе совѣтомъ, и вси уготовалися діаволу въ пріятнѣйшую жертву».

Вотъ какими черными красками обрисовываетъ Анисимовъ едосѣвское общество! Не смотря на то, Покровская часовня и въ это еще время не желала съ своей стороны окончательнаго разрыва съ Преображенскимъ кладбищемъ. «Слѣдовало бы, говоритъ Анисимовъ въ заключеніе своего сочиненія, отъ нихъ удалаться, но мы послѣдуемъ древне-восточной церкви, яже много терпѣ западной и не раздѣлялася, ожидая ея исправленія: и мы нынѣ потерпимъ мало, да негли вразумлятся и прекратятъ скверный свой путь закономъ брака».

Соборъ едосѣвцевъ и покровцевъ на Преображенскомъ кладбищѣ 1807 года *).

Но какъ бы то ни было, нельзя же предполагать, что покровцы совершенно безкорыстно старались вразумить и примириться съ едосѣвцами; къ этому побуждало ихъ не одно раскольническое родство, но и чисто-практическіе расчеты. Расколъ (безпоповщина) получилъ бы весьма громадную силу, еслибы Покровская часовня и Преображенское кладбище не противодѣйствовали одна другому, а главнымъ образомъ, еслибы богатая покровская моленная соединила свои капиталы съ нѣсколькими милліонами рублей Преображенскаго кладбища. Успѣхи раскольнической пропаганды неразрывно связаны съ торговлей; извѣстная секта имѣетъ тѣмъ болѣе послѣдователей, тѣмъ сильнѣе объединяется, чѣмъ успѣшнѣе бываетъ ея торговля, чѣмъ значительнѣе увеличивается ея капиталъ. Такимъ образомъ, вѣроятно въ виду большаго обогащенія, покровцы до настоящаго времени (1807 г.) все еще терпятъ едосѣвцевъ, все еще не хотятъ окончательно и на всегда разорвать всякія съ ними сношенія. А притомъ едосѣвцы имѣли предъ покровцами то главное преимущество, что первые имѣли свое собственное кладбище, а послѣдніе нѣтъ. Погребеніе раскольника-безпоповца и въ провинціи очень затруднительное дѣло; во избѣжаніе насмѣшекъ и оскорбленій безпоповцы принуждены бывають хоронить своихъ мертвецовъ ночью, по возможности тайнымъ образомъ; московскимъ же безо-

*) Рук. Публ. Библ. по отд. бракоб. сочиненій № 28.

повцамъ въ этомъ случаѣ оставалось одно — хорониться на Преображенскомъ кладбищѣ. Правда, покровцамъ само начальство дало позволеніе хоронить своихъ на Преображенскомъ кладбищѣ и они не прочь были отъ этого предложенія; но Алексѣй Ковылинъ, этотъ деспотъ, гордившійся своимъ кладбищемъ какъ своею собственностію, могъ въ этомъ случаѣ дѣлать много неприятностей покровцамъ; онъ даже имѣлъ на столько силы, что не всегда исполнялъ предписанія полиціи, когда она приказывала извѣстнаго покойника похоронить на Преображенскомъ кладбищѣ. Стоило сколько нѣсколько огорчить покровцамъ Ковылина, и онъ тотчасъ же прибѣгалъ къ своему обычному мщенію: «не пушу, говорилъ онъ имъ, васъ, сатанинскія дѣти, на кладбище!» И вотъ они лишены возможности пѣть панихиды по своимъ родственникамъ и принуждены бываютъ хоронить своихъ мертвецовъ на мірскихъ кладбищахъ, «кромѣ подобающаго надгробнаго пѣнія и кажденія өміама». Часто въ подобныхъ случаяхъ подавались жалобы полиціи отъ покровцевъ на Ковылина, и если иногда полиція почти силою приказывала допустить Ковылину покровцевъ на кладбище, то Ковылинъ дѣлалъ имъ еще большія неприятности. Такъ напр. «егда скончавшуся рабу Божию Евстратію Ѳедосѣвичу (это одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ членовъ Покровской моельни) тогда Илія (Ковылинъ) велехитрый пріѣзжаетъ въ частный домъ въ чайніи таковомъ, чтобы удержать похороны до пятаго дня и болѣе. Но частный показалъ приказъ, и Ковылинъ, не отверзше устъ своихъ, уѣхалъ. Егда же покойнаго тѣло было принесено, тогда Ковылинъ съ наушникомъ своимъ Иваномъ Ѳедотовымъ

скакали по кладбищу въ ресорныхъ дрожкахъ, глядя на дѣло своего злострастія, и подѣхавъ сказали (покровцамъ): вотъ вамъ мѣсто спокойно, точію на водѣ тѣло положено будетъ». Мало того: «Ковылинъ, поревновавъ гордостному дракону, съ могилъ покровскаго согласія памятники собралъ и съ землею оныя сравнялъ; камни истесалъ, а кресты древесные въ дрова изрубилъ.

Такимъ образомъ, не смотря на дѣйствія полиціи, Ковылинъ могъ распоряжаться на своемъ кладбищѣ какъ дома; а поэтому-то покровцы, чтобы имѣть мѣсто для своихъ покойниковъ, должны были употребить всѣ свои усилія, чтобы примириться съ еедосѣвцами; и вотъ почему покровцы не прерывали свои сношенія съ еедосѣвцами, не смотря на то, что они знали, съ какими грубыми развратниками имѣють дѣло. Не довольствуясь одними увѣщательными посланіями, покровцы даже рѣшились, наконецъ, составить соборъ, который бы окончательно рѣшилъ, на которой сторонѣ истина.

Съ осторожностію и постепенно стали готовить покровцы умы еедосѣвцевъ къ составленію собора. Сперва было послано на Преображенское кладбище письмо, гдѣ покровцы высказываютъ желаніе мира и любви, говорятъ, что они допускають бракъ и молятся за царя, имѣя на то основанія въ Св. Писаніи.

Получивъ письмо отъ покровцевъ, Ковылинъ сдѣлалъ совѣщаніе, выбралъ изъ среды своей нѣкоего казанскаго стрѣльца Михаила и приказалъ ему написать опроверженія на тѣ пункты, которые покровцы приводили въ защиту брака и моленія за царя, — что онъ и написалъ подъ общимъ названіемъ: «экстракта».

Какъ скоро этотъ экстрактъ былъ готовъ, Ковылинъ призываетъ къ выслушанію его едосѣвцевъ и покровцевъ. Покровцы, получивъ приглашеніе это, тотчасъ поняли, что это собраніе будетъ имѣть значеніе собора, особенно въ томъ случаѣ, если едосѣвцы одержать побѣду. Поэтому они сочли необходимымъ дать какой-нибудь планъ предстоящему собору, чтобы можно было предвидѣть, о чемъ будетъ здѣсь говорено. И немедленно было послано на кладбище предварительное мнѣніе, «гдѣ покровцами вкраткѣ высказано было, на сколько они могутъ уступить едосѣвцамъ, и на какихъ основаніяхъ и началахъ они будутъ спорить съ ними. Ковылинъ прочиталъ эти предварительныя мнѣнія; но видя, что покровцы желаютъ говорить на соборѣ, руководствуясь Св. Писаніемъ и правилами св. отцовъ, къ которымъ онъ не чувствовалъ расположенія, видя, что, допустивъ такой характеръ преній, едосѣвцы будутъ побѣждены, не принявъ предварительнаго мнѣнія и сказалъ: «намъ приказныхъ грючки не принадлежать». Такимъ образомъ теперь Ковылинъ могъ вести дѣло, какъ ему угодно.

Въ 1807 году марта 10 дня послѣдовалъ соборъ въ келліи великоревностнаго Ковылина. При самомъ началѣ Алексѣй Ковылинъ «изволилъ ядъ устенъ своихъ жена-тымъ изъяснить». Онъ такъ началъ свою рѣчь къ собравшимся: «когда вы перестанете жениться и подпишитесь не жить съ женами, и ребятъ не будете родить, и во всемъ съ нами будете согласны»? Отъ лица покровцевъ купецъ Заикинъ отвѣтилъ на это Ковылину: «ты не дѣло говоришь». На Заикина посыпались отъ Ковылина скверныя ругательства и приказанія молчать: «молчи,

молчи!» кричалъ раздраженный Ковылинъ. Брачущіеся напомнили Ковылину, что они пришли сюда не для того, чтобы слушать его ругательства, и попросили его прочитать тѣ возраженія, которыя едосѣвцы приготовили противъ нихъ. Ковылинъ спросилъ брачущихся: «коиими словами св. евхаристія въ тѣло и кровь Христа Бога нашего пресуществляется»? Этимъ вопросомъ онъ хотѣлъ имъ показать, что ему еще неизвѣстно — имѣютъ ли покровцы необходимыя христіанину понятія, и стоятъ ли они того, чтобы ему говорить съ ними. «Знаемъ», отвѣчали покровцы, — что и было доказано. Тогда «Ковылина голова была красна, лицо же его, яко огневицею горяше. Онъ приказалъ подать себѣ кружку квасу, коимъ утоляя жаръ своей злобы, глоталъ помаленьку квась въ гортань свою». Наступило продолжительное молчаніе. «Читайте же экстрактъ», сказалъ наконецъ Ковылинъ. Какой-то стрѣлецъ, къ которому относилось это приказаніе, «началъ чтеніе, не ознаменовавъ себя крестнымъ знаменіемъ». На нѣкоторые пункты экстракта покровцы стали было возражать, но Ковылинъ, произнесши свое обычное: молчать, приказалъ отобрать отъ покровцевъ подписку въ томъ, что они отказываются отъ брака. Послѣдніе, конечно, не согласились дать такое обязательство, привели нѣсколько текстовъ изъ Св. Писанія въ защиту брака: честенъ бракъ и ложе нескверно и пр. Противъ этихъ свидѣтельствъ Св. Писанія нѣкоторые едосѣвцы высказали такого рода мысль: теперь уже времена стали не тѣ, апостоловъ нѣтъ, и писанія ихъ не имѣютъ силу неопровержимаго авторитета. А находящіеся изъ едосѣва согласія пастухи были съ

такимъ злобнымъ ученіемъ и такіе буцефалы, что сказали: лучше со стами кобылами смѣситися, нежели законнымъ бракомъ одну жену имѣть». Замѣчательно, что за такія отвратительныя выраженія эти пастухи-буцефалы не были наказаны Ковылинымъ; онъ даже не сдѣлалъ имъ никакого замѣчанія! Теперь всѣ ясно увидѣли, что послѣ такихъ словъ бесполезно продолжать. Собраніе разошлось.

Спустя десять дней «паки Ковылинъ мятется, паки пята ногъ своихъ движеть, и — мужіе ругатели брака къ совѣту (покровцевъ) приглашаютъ». Покровцы снова приглашаются къ выслушанію будто бы новаго экстракта, новыхъ положеній, на основаніи которыхъ могли бы сойтись эти двѣ враждующія партіи. И они съ радостію собрались на кладбищѣ, въ надеждѣ, что еодосѣвцы сдѣлаютъ какія-либо уступки въ пользу мира; они надѣялись даже, что, наконецъ, будетъ признана святость защищаемаго ими брака. Но на самомъ дѣлѣ вышло совершенно иначе: экстрактъ стали читать тотъ же самый, тѣ же нелѣпыя возраженія говорились противъ брака. Покровцы тотчасъ же сказали Ковылину, что обѣщаніе не исполнено, что экстрактъ читаютъ тотъ же самый; но Ковылинъ, вмѣсто отвѣта, поднявъ руки въ высоту и указавъ на стѣны, сказалъ: «видите сія стѣны, не моего ли сіи построения? Вамъ ли со мною говорить? Я васъ въ такое мѣсто упеку, въ которомъ во вѣкъ свой стонать будете... Итакъ на семъ презентѣ чтеніе прекратилось; строитель стѣнъ удалился съ собора и прочіе люди разошлись во своя дома».

И вторая попытка къ примиренію не удалась покров-

цамъ. А между тѣмъ Ковылинъ все болѣе и болѣе притѣснялъ ихъ. Онъ наконецъ совершенно отнялъ землю на кладбищѣ, которую отвела имъ полиція. Поэтому покровцы, истощая все свое терпѣніе, собравъ послѣднія силы, рѣшились сдѣлать третіе и послѣднее собраніе. Они послали къ Ковылину спросить: не угодно ли опять сдѣлать собраніе, чтобы чѣмъ-нибудь закончить начатое дѣло. Но послѣдній сказалъ: не допущу быть собранію! Второй разъ посылаютъ, — опять тоже отказъ. Наконецъ уже въ третій разъ удалось посланному вручить лично самому Ковылину письмо отъ покровцевъ. Но сей, не распечатавъ письма, изщипалъ его на мелкіе щипки и подателя ударилъ въ лицо, «кoему и носъ осанилъ до крове, и такія слова сказалъ: поди отсюда, адскій сынъ! Снабженный же (посоль) Христовою вѣрою смиренно-мудро рече: прости Христа ради! Я есмь посланный къ вамъ; но знай, стѣна повапленная, хотя сіе пятно не велико, но памятно! Съ коимъ знакомъ и тремя отъ письма щитками къ пославшимъ его воротился, чего и не ожидали!»!

Послѣ такого поступка со стороны Ковылина покровцы уже ясно могли понять, что всѣ ихъ усилія вразумить еодосѣвцевъ тщетны, что имъ нельзя имѣть дѣла «съ послѣдователемъ веліара, иже рать творяше со святыми».

А между тѣмъ еодосѣвцы съ каждымъ годомъ все глубже и глубже упали въ бездну разврата. Всѣ убѣжденія и обличенія, приводимыя покровцами — и во имя религіи, и во имя достоинства природы человѣка — не привели еодосѣвцевъ къ исправленію. Еодосѣвецъ, исто-

шая всё силы своего развращеннаго ума, идетъ отъ нелѣпости къ нелѣпости, изобрѣтаетъ кощунство за кощунствомъ, чтобы заглушить въ себѣ голосъ совѣсти, окончательно убить пробужденіе разсудка и самосознанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ — воспитать въ себѣ страшную ненависть къ порядку религіозной, гражданской и, особенно, семейной жизни. По крайней мѣрѣ, такого понятія о едосѣвцахъ держались покровцы въ 1837 году, какъ видно изъ сочиненія наставника Покровской часовни Андреяна Сергѣева: «Дѣвственница-едосѣвка, старообрядка въ собственномъ своемъ лицѣ» *).

Сергѣевъ вовсе оставляетъ въ сторонѣ безплодныя убѣжденія и возванія къ едосѣвцамъ: въ этомъ его сочиненіи нѣтъ и намека на примиреніе съ ними. Онъ пишетъ съ тою единственною цѣлю, чтобы въ каждомъ читателѣ, знающемъ и незнающемъ расколъ, возбудить полное отвращеніе къ едосѣвцамъ. «Любезный читатель, говоритъ онъ въ предисловіи къ своему сочиненію, отъ собственнаго ли обзорѣнія извѣстно тебѣ, или отъ кого-либо наслышанъ, что вѣра дѣвственная едосѣвыхъ старообрядцевъ по наружнымъ церковнымъ благовидностямъ самими ими и нѣкоторыми посторонними почитается цвѣтущею благочестіемъ. Когда же вникнете въ законъ ихъ о дѣвствѣ и бракѣ, самовольно ими выдуманный, и въ употребленіе введенный, то по апостолу о нихъ удостовѣримся, что они только имѣютъ образъ благочестія, но силы его отверглися».

Разматриваемое нами сочиненіе Сергѣева можно раз-

*) См. рук. Пуб. Биб. по отд. бракобор. соч. № 30.

дѣлить на двѣ половины: одна часть его изложена въ формѣ прозы, а другая въ стихахъ.

Павель Любопытный въ своей раскольнической библиографіи справедливо замѣчаетъ, что Сергѣевъ писалъ съ ядовитой критикой противъ едосѣвцевъ *), какъ это особенно видно изъ второй половины его сочиненія. Но мы не убѣдились въ авторскихъ способностяхъ Сергѣева, которыя восхваляетъ въ немъ Павель Любопытный. Сочинитель «Дѣвственницы-едосѣвки» не имѣетъ послѣдовательности и постоянно повторяется, напр. во второй главѣ онъ хочетъ говорить о догматахъ едосѣвцевъ, а перечисляетъ вмѣстѣ и слѣдствія ихъ ученія, между тѣмъ какъ у него есть отдѣльная глава «о плодахъ едосѣева ученія», и еще особая: «о послѣдствіяхъ». Поэтому мы отсюда сдѣлаемъ только нѣкоторыя выдержки.

Въ началѣ своего сочиненія Сергѣевъ говоритъ, что едосѣвская ересь есть не первое и не новое явленіе: исторія представляетъ намъ много такихъ ересей, цѣлю которыхъ было также отрицаніе брака и распространеніе студодѣйствъ и мерзостей. И подобныхъ еретиковъ-бракоборцевъ онъ насчитываетъ 37: Маркіонъ, Монтанъ, Татіанъ, Манихей и проч.

Секту едосѣвскую Сергѣевъ называетъ седмглавымъ обществомъ, потому что она дѣйствительно состоитъ изъ слѣдующихъ семи отдѣльныхъ видовъ; сюда принадлежать: 1) собственно дѣвственники (главная партія); 2) старожоны, которые до поступленія въ едосѣвскую секту

*) Библиогр. Павла Люб. стр. 60 и 61.

отвергли прежній свой бракъ и обязались къ дѣвственной жизни; 3) половинки, когда одинъ изъ супруговъ присоединяется къ еедосѣвцамъ, другой же нѣтъ; 4) новожоны, которые, принявъ разводъ и отрицая бракъ, живутъ съ прежними женами; 5) дѣвжононы — сожительство холостыхъ съ дѣвцами; 6) тайножононы — тайнымъ образомъ, для избѣжанія эпитимій, измѣняющіе дѣвственной жизни, и наконецъ 7) многожононы.

Глава, въ которой Сергѣевъ говоритъ о догматахъ еедосѣвцевъ, состоитъ изъ однихъ краткихъ и голословныхъ перечисленій тѣхъ мнѣній, которыхъ держатся еедосѣвцы относительно ученія о бракѣ и дѣвствѣ, — и частію слѣдствій, которыя отсюда вытекають.

Такихъ догматовъ Сергѣевъ насчитываетъ 22. Но такъ какъ онъ, выразивъ одну и ту же мысль въ различныхъ фразахъ, повторяетъ ее нѣсколько разъ, то мы изъ 22-хъ перечисленныхъ имъ «догматовъ передадимъ только слѣдующіе: еедосѣвцы 1) бракъ именуютъ блудомъ; 2) бытіе брака уничтожать (повелѣвають); 3) степени родства истреблены; 4) дѣвство — закономъ (признають); 5) правовѣрныхъ христіанъ отлучають отъ Бога и злословяють; 6) Бога почитають виновникомъ студодѣйствъ и мучителемъ христіанскаго рода; 7) къ зачатію младенца разумѣють, что душу въ него вносить діаволь; 8) младенцевъ сознають кобелищами; 9) чадородію законному истребленіе».

Вторая часть сочиненія Сергѣева состоитъ изъ двухъ стихотвореній. Первое онъ озаглавливаетъ такъ: «Собственное израженіе дѣвственницы-еедосѣвки».

Вотъ содержаніе этого сочиненія.

Дѣвственница-еедосѣвка слышитъ, что многіе порицають ее за развратную жизнь; но она, не обращая на это вниманія, хвалится своимъ безстыдствомъ и, довольная собой, желаетъ, чтобъ и всѣ походили на нее, — чтобы всѣ чуждались брака:

Дѣвство каждый сохраняй,
Тайну брака не сознай:
Холостой не женися,
Староженый воздержися,
Дѣвка замужъ не ходи,
Староженка не роди,
Тайна брака истребися,
Дѣторождество запретися (потому),
Что къ зачатію челоуѣка,
Нынѣ въ жизни душу вѣка,
Богъ творецъ не посылаетъ, —
Самъ діаволь помѣщаетъ;
Сатана зиждетъ людей
Множествомъ числомъ семей;
Въ томъ невѣрны помогаютъ (невѣрны-брачушіеся).
И враги тожъ пособляють.
Сына, дочь не сочетать;
Мать, отца за бракъ изгнать.
Чистоту мы умножаемъ,
Вѣру дѣвства защищаемъ.
Повивалками не быть (повелѣваемъ),
Повиваньемъ не служить.
Вѣру твердо сохраняйте
И въ родахъ не помогайте.
.....
.....
Тверды въ вѣрѣ пребывайте,
Жизни брачной не примайте:
.....
.....
Страсть любовну поправляти —
Покаяньемъ очищати;
Насъ отцы (духовники) за грѣхъ простятъ,
Въ райско мѣсто помѣтятъ.

Кто же браки принимаетъ,
Ихъ законность почитаетъ,
Тамъ иконамъ не молись,
Безъ моленья обойдись.

Но дѣвственница-Ѳедосѣевка видитъ, что ея проповѣди не безусловно повинуются даже близкіе къ ней — новожены; она по этому даетъ имъ такіе совѣты и приказанія, въ силу которыхъ, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, разъединялась бы ихъ семейная жизнь.

Христіаномъ бракъ принять —
Новоженствомъ называти.
Новоженовъ разумѣть,
Правило о нихъ имѣть:
Новоженка сохрани (т. е. такое правило):
Изъ горшка (т. е. своихъ дѣтей) млекою корми,
А не грудю своею,
И не мерзостью твоею;
Но коровьимъ молокомъ
Для спокойствія о томъ *) —
Мать, отца ихъ (т. е. дѣтей новоженовъ) разлучати,
Купно жить не позволять,
По деревнямъ разгонять;
Вмѣстѣ будутъ проживати;
Ихъ дѣтей не отпѣвати,
Ни крестить всегда ни гдѣ,
Здравыхъ ихъ дѣтей ни гдѣ.
Вмѣстѣ съ ними имъ не жити.
Въ разныхъ домѣхъ имъ пребыти.
Пѣствовать дѣтей не должно, —
Удаляться ихъ какъ можно.
Ихъ избавиться напасти, —
На одномъ столѣ не ясти.

*) Последнія слова. «Для спокойствія о томъ» здѣсь означаютъ слѣдующее: Ѳедосѣева совѣтуетъ кормить дѣтей коровьимъ молокомъ, потому что животныя безгрѣшны; слѣдовательно, если мать не будетъ питать своихъ дѣтей грудю, то совѣсть ея будетъ отъ того спокойнѣе, — она въ такомъ случаѣ меньше передаетъ имъ своей грѣховности.

Въ банѣ съ ними имъ не мыться,
Разной шайкой отдѣлаться.
Ихъ (новоженовъ) съ разводомъ не повѣдать,
Въ ихъ домѣхъ намъ не обѣдать,
Въ домѣ ихъ Христа не славить,
Какъ невѣрныхъ ихъ оставить,
Чтобъ повсюду дѣвству быть,
Брачны жизни истребить,
Въ бракъ входящихъ отлучать,
Тронцы святой лишать.
Вѣру дѣвства знать бы впредь,
Брачныхъ всюду бѣсу въ спѣдъ.

Въ заключеніе она говоритъ, что —

Вѣра наша лучше всѣхъ,
Въ чистотѣ что въ насъ успѣхъ
Ѳедосѣвы научили,
Вѣру дѣвства учредили;
Въ вѣрѣ нашей брака нѣтъ,
Будетъ знать хоть цѣлый свѣтъ!

Во второмъ стихотвореніи: «Важности злодѣяній уставовъ бракоборныхъ» Сергѣевъ повторяетъ уже отъ своего лица почти тоже самое, что высказано имъ отъ имени дѣвственницы-Ѳедосѣевки. Замѣчательны здѣсь только тѣ мѣста стихотворенія, гдѣ онъ ясно обличаетъ Ѳедосѣевцевъ въ дѣтоубійствѣ и доказываетъ, что бракоборъ несравненно болѣе преступенъ даже самаго Ирода, повелѣвшаго избить младенцевъ мужескаго пола:

Фараонъ дѣтоубійца,
Иродъ злобный кровопійца, —
Грѣхъ тогда легче былъ —
Мужескъ полъ одинъ убилъ;
Бракоборъ же взаконяетъ,
Оба пола умерщвляетъ.

И въ концѣ своего стихотворенія Сергѣевъ справедливо замѣчаетъ:

Въ бракоборствѣ смертный ядъ;
 Тутъ владыкой супостать.
 Ложну дѣвству злый учитель,
 Самъ діаволь предводитель;
 Богу, людямъ врагъ, злодѣй,
 Душегубецъ асмодей.
 Бракоборство иновѣрно
 И ученіемъ зловредно,
 Тутъ ума святѣйша нѣтъ,
 Видитъ, слышитъ, знаетъ свѣтъ!

Вотъ къ какимъ сильнымъ обличеніямъ, къ какимъ жестокимъ укоризнамъ должны были прибѣгнуть покровцы въ 1837 году въ спорахъ съ Ѳедосѣевцами. Вотъ до какихъ страшныхъ, чудовищныхъ размѣровъ распространился развратъ между дѣвственниками-Ѳедосѣевцами! Справедливо такъ сильно нѣкогда обличалъ ихъ Иванъ Алексѣевъ: «Сынове человѣческіе! не стыдно ли вамъ съ такими блядословными правилами нареду мудрыхъ людей исходити! Не срамно ли вамъ такими сатанинскими правилами свою церковь подтверждать! О жестокаго вашего сердца! О неразсмотрительнаго вашего ума! Тако бо вашей слѣпотѣ и упрямству потребовася: оставивше толикихъ церковныхъ учителей, тмѣ нѣкой послѣдовать и адовымъ вратамъ внимати. О безумія великаго, о своевольства необузданнаго! Показуете разводы, обнажаете и женскія главы и дѣвами ихъ простоволосыми творите. О діавольскаго коварства не можетъ никто описати! Злое ваше ученіе не словесъ, но бича на искорененіе требуетъ; яко ничто ваше безстудіе пользоваться возмозе — ни слово увѣщанія, ни дѣло прошенія, развѣ тѣлесное врачеваніе; затворитесь врата адова, заградитесь уста еретическія, умолкните языки блядословящіе

на св. церковь! Доколѣ вамъ сатанинскія жабы изъ нѣдръ вашихъ испускати, и аки змѣвы и ехидны души христовлюбивыхъ уязвлати?!... Блюдитесь вы, сынове церковніи, такихъ блядословцевъ, и не соплетайтесь съ ними, но бѣгайте ихъ, аки губительной заразы!»!

Позднѣйшихъ бракоборныхъ сочиненій (Ивана Сергѣева въ 1837 г.) мы не знаемъ, хотя споръ о бракѣ между Покровской часовней и Преображенскимъ кладбищемъ продолжается и до настоящаго времени *), поэтому намъ остается сказать о томъ, какія были слѣдствія этихъ споровъ, какое имѣлъ вліяніе вопросъ о бракѣ на покровцевъ и Ѳедосѣевцевъ.

Вслѣдствіе этихъ двухъ противоположныхъ, спорящихъ между собою, партій, въ безпоповщинѣ образовалось такъ-называемое новоженство. Изъ Ѳедосѣевцевъ нѣкоторые, говоритъ Скачковъ въ своемъ сочиненіи о новожонахъ, такожде разсуждая, что безъ согласнаго священника вступить въ законное супружество невозможно; однако изобрѣли себѣ новую, и отъ началъ вѣка, въ концѣхъ всея вселенныя неслыханную женитву, отъ коего дѣйствія стали нарицатися новожоны». Скачковъ, а за нимъ и другіе наставники Покровской часовни, называютъ новоженство явленіемъ новымъ и неслыханнымъ. Слѣдовательно это не тѣ новожоны, которые были во времена Ѳедосѣевъ Васильевыхъ и братьевъ Денисовыхъ.

Извѣстно, что всѣ безпоповцы сперва «препровождали

*) Надо замѣтить, что такъ-называемыя бракоборныя сочиненія очень рѣдки, потому что Преображенское кладбище скупаетъ ихъ за значительныя деньги и сжигаетъ.

жизнь безбрачную». А между тѣмъ вопросъ о бракѣ долгое время не былъ уясненъ ими, и по этому хотя и предпочиталась жизнь аскетическая, но, какъ уже мы видѣли, дѣлались перѣдко исключенія въ этомъ случаѣ, многіе были принимаемы въ извѣстную безпоповщинскую секту и безъ развода, подъ именемъ новожиновъ. Такого рода лица не составляли собою какую-либо отдѣльную партію безпоповщинской секты; мы не видимъ между ними ни особеннаго начальника и основателя, какъ въ другихъ отдѣльныхъ, даже очень мелкихъ, сектахъ, подобныхъ Пастуховой: новожины были и въ поморской, и въ Ѳедосѣевской, и другихъ безпоповщинскихъ сектахъ. Но когда, съ образованіемъ Преображенскаго кладбища и Покровской часовни, одна часть безпоповцевъ, подъ предводительствомъ Ильи Ковылина, для возстановленія въ полной силѣ прежнихъ безпоповщинскихъ идей, стала требовать отъ каждаго безпоповца безусловнаго дѣвства, а другая, вмѣстѣ съ Васильемъ Емельяновымъ, рѣшительнымъ образомъ объявила необходимость и святость брачной жизни, тогда уже новожиновъ въ прежнемъ видѣ не могло существовать: потому что, предпочиталъ ли кто изъ безпоповцевъ жизнь семейную, тотъ уже, не измѣняя безпоповщинѣ и не нуждаясь въ снисхожденіи, имѣлъ полное право вѣнчаться въ Покровской и другихъ подобныхъ часовняхъ, или если кто убѣжденъ былъ въ превосходствѣ Ѳедосѣевскаго дѣвства, тотъ естественно долженъ былъ подчиниться Преображенскому кладбищу. При Покровской часовнѣ уже не могли быть новожины по той простой причинѣ, что здѣсь была вполнѣ признана законность брака; и дѣйствительно

новожины ни въ какомъ случаѣ не были терпимы при Покровской часовнѣ — какъ такіе люди, которые, ведя брачную жизнь, считаютъ это великимъ грѣхомъ. Ѳедосѣевцы, въ свою очередь, тоже не могли допускать новожество, не измѣняя главной своей задачѣ — требованію отъ всѣхъ и каждаго безусловнаго дѣвства. А между тѣмъ, съ самаго того времени, какъ начались споры о бракѣ между Преображенскимъ кладбищемъ и Покровской часовней, появилось множество такихъ людей, изъ которыхъ иные не могли разрѣшить для себя вопроса: на которой изъ спорящихъ сторонъ истина? Другіе же, сознавая вполнѣ превосходство брачной жизни, частію по необходимости, частію изъ извѣстныхъ расчетовъ, не могли оставить кладбища. Подобнаго-то рода люди и обратились къ Ковылину, чтобъ онъ, по примѣру прежнихъ отцовъ, принялъ ихъ въ свое общество безъ развода, допустилъ въ число прихожанъ кладбища и брачующихся. Ковылинъ, желая остаться вѣрнымъ своимъ безпоповщинскимъ, аскетическимъ началамъ, на первыхъ порахъ далъ рѣшительный отказъ на подобныя просьбы. Но такъ какъ московскіе раскольники съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе ощущали нужду въ семейной жизни, а между тѣмъ Покровская часовня не переставала порицать Ѳедосѣевское дѣвство, то Ковылинъ скоро поставленъ былъ въ необходимость измѣнить своимъ началамъ. Онъ, а за нимъ и его преемники, принуждены были довольствоваться уже только тѣмъ, что каждый Ѳедосѣевецъ обязанъ былъ признать безусловное дѣвство и совершенно чуждаться брака, а на сколько онъ оставался

вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, на это уже мало обращалось вниманія.

Правда, каждый, желающій быть членомъ Преображенскаго кладбища, давалъ публично обѣтъ дѣвства, подъ угрозой, въ противномъ случаѣ, изверженія изъ общества, женатые же принимались не иначе какъ съ разводомъ: но все это стало дѣлаться только для вида, для одной пустой формы. Потому что, на самомъ дѣлѣ, если кто и измѣнялъ этому обѣту, или вдаваясь въ развратъ, или вступая въ бракъ, тотъ уже въ собственномъ смыслѣ не отлучался отъ общества, а оставался въ немъ подъ именемъ новожона и подлежалъ постоянной пожизненной эпитиміи. И вотъ эти то едосѣвцы-новожононы изобрѣли, по словамъ Скачкова, новую неслыханную женитьбу. Скачковъ называетъ союзы новожононовъ просто сожительствомъ, а не бракомъ; потому что, дѣйствительно, въ женитьбѣ едосѣвцевъ-новожононовъ нѣтъ и тѣни какой-либо законности, браки ихъ не имѣютъ даже и гражданскаго значенія, такъ что новожононовъ, по справедливости, можно сравнить съ тѣми, такъ-называемыми сенизактами, которые были на востокѣ въ третьемъ и четвертомъ вѣкахъ, и о которыхъ упоминаетъ Евсевій (кн. 7, гл. 20) и св. Епифаній (въ своемъ сочиненіи о ересеяхъ въ гл. III). Сенизакты, проповѣдуя необходимость для спасенія дѣвственной жизни, между тѣмъ дозволяли себѣ, по возможности тайнымъ образомъ, вступать въ незаконныя сожительства; подобно имъ и новожононы изобрѣли такіе виды браковъ, которые вполне характеризуютъ странное и неопредѣленное положеніе людей, не имѣющихъ положительныхъ религіозныхъ убѣжденій, колеблющихся между

двумя противоположными направленіями Покровской часовни и Преображенскаго кладбища, людей, которые, давъ обѣтъ дѣвства, въ тоже время сознаютъ для себя насущную потребность жизни семейной.

Поэтому то у едосѣвцевъ-новожононовъ весьма часто случается, что иной, желая взять въ сожительство извѣстную ему дѣвицу, при помощи своихъ товарищей, тайнымъ образомъ похищаетъ ее у родителей. Этотъ незаконный союзъ, составленный безъ всякихъ взаимныхъ обязательствъ и условій, очень часто въ скоромъ же времени разрывается; при чемъ ни родственники оставленной дѣвицы, ни сама она не имѣютъ никакого права искать защиты у общества; потому что каждый едосѣвецъ, особенно же начальствующие изъ нихъ, въ силу обязательнаго для всѣхъ дѣвства одобряютъ такой поступокъ. Впрочемъ похищенія бывають только въ семействахъ строгихъ едосѣвцевъ, а большая часть изъѣтныхъ чистыхъ дѣвственникововъ сами бывають не прочь содѣйствовать незаконному сожительству своихъ дѣтей, хотя едосѣвецъ въ этомъ случаѣ поставляется въ крайне стѣснительное положеніе. Съ одной стороны онъ, какъ отецъ, естественно желаетъ принять по возможности близкое участіе въ судьбѣ своего сына или дочери при ихъ сочетаніи, ему бы даже хотѣлось раздѣлить эту семейную радость; но съ другой, по законамъ своей секты, онъ обязанъ воспрепятствовать всякому проявленію требованія семейной жизни. Прибавьте къ этому и то, что едосѣвцы-новожононы «имѣютъ стыдъ гражданскій», какъ выражается Скачковъ, т. е. имъ горько и больно бываетъ слышать, когда брачующіеся укоряють ихъ дѣ-

тей, какъ «незаконно сопрягшихся», какъ развратниковъ. И вотъ Ѳедосѣвецъ-новожонъ, по необходимости, долженъ лицемѣрить въ этомъ случаѣ до чрезвычайности страннымъ образомъ, лицемѣрить и предъ своими дѣтьми, и предъ обществомъ, и предъ посторонними. Такъ напр., отецъ и мать уже ясно видятъ, что сынъ ихъ желаетъ вступить въ сожителство съ извѣстною имъ дѣвицей. Но такъ какъ сынъ, съ своей стороны, иногда боится спросить ихъ совѣта и благословенія на свое сожителство, чтобы не оскорбить религіозное чувство своихъ родителей — «чистыхъ дѣвственниковъ», то и они, въ свою очередь, стараются подавать видъ, что какъ будто бы не ожидаютъ отъ своего сына измѣны обѣту дѣвства. Незаконное сочетаніе совершено — и родители жениха и невѣсты «притворное рыданіе составляютъ»: они причитаютъ надъ своими дѣтьми, какъ надъ умершими, притворно оплакиваютъ ихъ, какъ впадшихъ въ тяжкій грѣхъ. Но по прошествіи двухъ — трехъ дней отцы и матери, съ той и другой стороны, внутренно очень довольные такимъ поступкомъ своихъ дѣтей, какъ уже родственники, сходятся между собою и дѣлаютъ обычныя условія о приданомъ. Далѣе — есть и такіе новожоны, которые, менѣе уважая убѣжденія и законы своей секты и уступая требованію своихъ родительскихъ чувствъ, рѣшаются принимать болѣе близкое участіе при сочетаніи своихъ дѣтей. Нѣкоторые изъ нихъ «да не приведутъ по гражданству въ стыдъ чадъ своихъ, сами таковой блудотворной радости пріобщаются: овѣи подаваніемъ благословенія при отхожденіи сына ихъ къ любовницѣ, овѣи при введеніи въ домъ срѣтаютъ ихъ съ иконами»,

но это уже признается за величайшее преступленіе; отецъ и мать, давшіе сыну благословеніе, должны немедленно принести въ томъ покаяніе и принять отъ своихъ наставниковъ эпитимію. У Ѳедосѣвцевъ болѣе считается извинительнымъ даже то, если новожонъ, по случаю сочетанія своихъ дѣтей, желая раздѣлить радость съ родными и знакомыми, устроить пиршество. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ, по требованію Ѳедосѣвскихъ приличій, онъ необходимо долженъ лицемѣрить: угощая и привѣтствуя своихъ гостей, онъ не позволитъ себѣ обратиться съ ласковымъ словомъ и съ поздравленіемъ къ сочетавшимся; на сына своего и на приведенную имъ любовницу, онъ, «аки на незнаемыхъ, и не взираетъ». На сколько же должна быть прочна семейная жизнь новожоновъ при такомъ ихъ положеніи? Не говоря уже о томъ, что здѣсь каждый легкомысленный и развратный можетъ во всякое время свободно оставить свою жену и бросить своихъ дѣтей; но если мы возьмемъ во вниманіе и такого человека, который искренно желаетъ быть добрымъ семьяниномъ, то и для него почти нѣтъ возможности быть вѣрнымъ мужемъ и добрымъ отцемъ. Въ продолженіе всей своей жизни семьянинъ-Ѳедосѣвецъ необходимо постоянно испытываетъ страшныя угрызенія своей совѣсти. Рождается ли въ семействѣ новожона дитя, — отецъ и мать наказываются отлученіемъ и эпитиміями, какъ великіе грѣшники, какъ явные блудники; находится ли ихъ новорожденный при смерти, и въ такомъ случаѣ наставники съ трудомъ рѣшаются удостоить его крещенія; но что всего страшнѣе и мучительнѣе для родителей — это увѣренность, что ихъ дитя есть плодъ сѣмени діавола! Да-

лѣе: заболѣваетъ мужъ, — и вотъ являются наставники, и, не смотря на горькія слезы жены и дѣтей, вынуждаютъ у больного, подъ угрозами вѣчныхъ мученій, страшную клятву — отказаться на всегда отъ своего семейства.

Вотъ какое странное и вмѣстѣ горькое положеніе едосѣвцевъ-новожоновъ! Здѣсь убѣжденія становятся въ прямое противорѣчіе съ жизнію, а слѣдовательно въ этомъ обществѣ не можетъ быть устойчивости и крѣпости; въ немъ нѣтъ задатковъ на долгое существованіе. И если едосѣвцы, вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ и убѣжденій покровцевъ, сознаютъ нелѣпость своего положенія, признаютъ нужду и необходимость брачной жизни, то непременно прежнія задачи беспоповщинской секты рушатся сами собою: беспоповцы не будутъ, подобно своимъ отцамъ, непріязненно относиться къ обществу, церкви и государству; беспоповцы при извѣстныхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ обратятся въ лоно православной Церкви, примирятся съ законами государственной и общественной жизни. И это не пустая мечта: беспоповцы были грубы и невѣжественны, недовѣрчиво и озлобленно относились къ окружающей ихъ жизни; смѣло и дерзко шли наперекоръ всѣмъ законамъ, пока вели аскетическую жизнь. Но какъ скоро они примирились съ семейною жизнію, какъ скоро Покровская часовня признала законность брака, здѣсь тотчасъ же расколъ начинаетъ слабѣть и клониться къ паденію: являются законы, которые смѣло говорятъ: «наши старики и отцы много узаконили не отъ Писанія; много узаконили странно и различно»; Заяцевскіе, открыто высказывающіе нужду въ священствѣ, и другіе настав-

ники Покровской часовни, которые укоряли едосѣвцевъ за то, что они не поклоняются св. мощамъ православной Церкви, и наконецъ Покровская часовня — уже не по нуждѣ, а сознательно и свободно исповѣдуютъ «догматъ о царѣ моленія» *).

К. Надеждинъ.

*) Между бракоборными сочиненіями есть рукопись № 34; «Догматъ о царѣ моленія», гдѣ брачущіеся беспоповцы весьма подробно доказываютъ этотъ догматъ; и даже въ главѣ: «Переводъ имянъ титулярныхъ», говорятъ, что царя можно и должно называть императоромъ.